

Виталий Свадьбин

Дух Воина. Погранец

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Виталий Свадьбин
Дух воина. Погранец

«Автор»

2023

Свадьбин В.

Дух воина. Погранец / В. Свадьбин — «Автор», 2023

Отставной подполковник, ветеран тайных войн отправлен на пенсию по ранению. Он отправляется на Алтай в заповедник работать егерем. На очередном выезде в лес ему в голову попадает пуля от случайного выстрела. ГГ впадает в кому. Его ментальное сознание продолжает путь Воина и попадает в параллельную реальность в 1941-ый год, в самое начало Второй мировой войны. ГГ обнаруживает своё сознание в теле раненого в голову лейтенанта пограничника. Он не бросается помогать предкам выиграть войну и даже не пытается внедрить технологии 21-го века. ГГ делает то, чему его учили всю его жизнь. Он объявляет диверсионную войну фашистской Германии, собирает отряд, обучает бойцов эффективным способам войны. Так начинается его путь - путь Духа Воина. Ветеран-отставник не чувствует жалости к врагам Отечества, хоть и понимает, что мир не его, а всего лишь параллельный. Но он не оставляет надежды вернуться домой к своей семье. (обложка книги выполнена в нейросети Midjourney)

© Свадьбин В., 2023

© Автор, 2023

Содержание

От автора.	5
Предисловие.	6
Глава 1.	10
Глава 2.	27
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Виталий Свадьбин

Дух война. Погранец

От автора.

Вся история этой книги полностью вымысел автора. Ничего не имеет общего с реальной историей. Описание событий начинается в нашем мире, после чего герой попадает в параллельный мир. Исторические имена и географические места взяты для художественной правдоподобности повествования. Все диалоги на немецком либо других языках представлены на русском языке для более лёгкого восприятия книги читателями. Желаю удачного прочтения книги.

Предисловие.

Февраль 2017 год. Республика Алтай. Село Усть-Кокса.

Отставной подполковник Борис Иванович Крылов проснулся утром от телефонного звонка. «Не думай о секундах свысока...» надсаживался его смартфон. Крылов взял телефон и активировал связь. Звонил его начальник, директор заповедника Ромашов Егор Матвеевич.

– Ну и что в такую рань надо от меня начальству? – проворчал Крылов, хриплым спроне́м голосом.

Вчера была суббота, вот и приехал Крылов в Усть-Коксу, к любимой женщине Ольге Кошкиной. Совсем не долго живут Борис и Ольга, но как-то почти с первого дня душа в душу, оба считают, что любви все возрасты покорны. В общем так получилось, что пришёл Борис и остался, а через год они расписались. Борис огляделся, Ольги в доме не было. Но на тумбочке, возле кровати стоит крынка¹ с квасом. Позаботилась хозяйюшка, однако. А то они вчера после бани хорошо посидели. Приходил лесник Фёдор Раков и местный механик Матвей Хлопов, да не одни пришли, а с жёнами. Вот и превратился простой субботний ужин после бани в пьянку. Борис вздохнул и сделал несколько больших глотков ядрёного² кваса. Ольга сама его делает, на хлебе ставит, по древнему русскому рецепту. Так что такой напиток в магазине не купишь. Он снова прижал телефон к уху.

– Борис, ты что молчишь? Отвечай, мать твою за ногу, – кипятился абонент в виде начальства Крылова.

– Ну чего ты горло дерёшь? И мать мою за ноги не трогай, она уже несколько лет, как покойница. Говори спокойней, желательно негромко – поморщившись, меланхолично отозвался Борис.

– Я говорю, чтобы ты съездил на южный склон горы Белухи. Ты говорил там ирбисы³ поселились.

– Да, заметил ещё осенью. Логово они там в одной небольшой пещере присмотрели. Я там видеокамеру ставил, почти месяц снимал. Точно там останутся. Думаю, этой весной самка детёнышей принесёт.

– Сейчас в тех местах должна быть миграция козлов и кабарга⁴ там в низине обитает. Им хорошую подкормку организовали. Вот и устроились снежные барсы поблизости.

– Ты мне что, лекцию или инструкцию прочитать хочешь? Говори внятно, чего надо. А то у меня сегодня выходной. Всю неделю мотался по заповеднику. Вот пожалуйсь Ольге, что ты её мужика в лес без причины гонишь, она враз тебе зенки⁵ выцарапает, – от последней фразы Борис улыбнулся, представив, как Ольга, уперев руки в бока отчитывает начальника.

Ольга Кошкина, тридцатипятилетняя и очень красивая женщина, в Усть-Коксе славилась тем, что никому не давала спуска. В селе, народ, те, что с низкой социальной ответственностью, её прозвали «Сатана». Она могла запросто огреть мужика оглоблей, если тот вздумает обижать её саму или её детей., а могла и просто заступиться за соседскую бабу, которую муж бьёт без причины. От первого брака у Ольги остались мальчик шести лет и девочка четыре года. Её первый муж замёрз по пьянке зимой, три года назад, хоть и не был алкашом. А через год, после несчастного случая, появился в селе Крылов. Внимание местных молодух привлёк сразу. Серьёзный да вежливый. Годами не старей, всего сорок пять лет. Внешний вид очень даже приятный для женского взгляда. К тому же бывший военный. Устроился егерем в заповедник, ему и жильё дали, правда служебное. Но ходили слухи по селу, что есть у Крылова в Москве хорошая квартира. Вот под эти слухи многие молодые девки заинтересовались отставником. Но он особого интереса не проявлял. С Ольгой познакомились случайно. Она в магазине отчитывала двух мужиков, за то, что они без очереди лезли к прилавку. Видите ли, опохмелиться им надо. Вот Ольга и вытолкала похмельных односельчан из магазина. Внешне Кошкина была

красивая баба, русые волосы, голубые глаза, средний рост, а фигуре могли позавидовать двадцатилетние односельчанки. Волосы заплетала в косу почти до пояса. Многим мужикам нравилась, но не подпускала никого к себе после смерти мужа. В этот момент сельских разборок вошёл в магазин Крылов.

– И что так расшумелась? Горы от твоего крика дрожат, – ухмыльнулся Борис.

– А тебе какое дело? Пришёл в магазин встань в очередь, – огрызнулась она.

– Ты сначала напои, накорми, да в баньку своди. А уж потом и голос рви, голосистая тигрица, – отшутился Крылов, внимательно посмотрев ей в глаза.

Понравилась она ему, было в ней что-то от природной русской красоты. Наверняка о таких и писал русский классик, что в горящую избу войдёт и коня на скаку остановит.

– Хм, а не побоишься меня и моего характера? – спросила Ольга и уставилась в серые глаза Крылова.

– А чего мне тебя бояться? Капканы под юбкой чай не ставишь? А в остальном можно и поладить с тобой. Бабе что нужно? Чтобы мужик приласкать мог и любил, так, что ангелы на небесах от зависти рыдают.

Глянула Ольга в прищуренные глаза отставника и утонула душенька русской бабы в глубине чуть грустного, но умного взгляда. Позже она призналась ему, что влюбилась так, будто в омут с головой нырнула.

– Коли не боишься, приходи. Истоплю баньку и веник приготовлю, а квас у меня такой, что никто не делает, – ответила она, смущаясь и краснея, но продолжая хорохориться.

Крылов пришёл в ближайшую субботу, да так и остался у Ольги. А женщину как подменили, расцвела и засветилась красотой молодой женщины ещё больше, чем была ранее. В присутствии Бориса всегда кроткая и заботливая, о чём непременно судачили односельчане. Но кротость и покладистость распространялись только на Бориса. Так что сплетники быстро осознали глубину своих заблуждений. Сам Борис Крылов семьёй не обзавёлся. Всё время отнимала военная служба. После военного училища попал в ГРУ, Главное разведывательное управление, так и прослужил в спецназе до сорока пяти лет. Повидал, конечно, на своём веку и поездил по разным странам. А последнее ранение, в командировке, было тяжёлым, после госпиталя комиссовали, отправив на гражданку. Дали подполковника, и на пенсию. Крылов решил уехать подальше от людей. Друзья похлопотали, нашлось место егеря в заповеднике. Сдал он двухкомнатную квартиру в центре Москвы, в аренду, а сам поехал на Алтай. Зарплата у егеря невеликая, но жить можно. Пенсия отставника, плюс плата за квартиру были хорошим дополнением к доходу, что платили егерю. Имелись неплохие банковские накопления. А куда было тратить деньги, полученные с боевых выходов? Постоянно в командировках обретался. Платили хорошо плюс боевые выплаты. Вот и набралась на личном счёте сумма вполне приличная. В свободное время занялся отечественной историей, появилась шальная мысль написать книгу о русском оружии в разных войнах, с начала 20-го века. Попутно увлёкся послевоенной историей Советского Союза. Бывшая служба позволяла получать доступ к архивам, которые недоступны простым смертным. Алкоголем не увлекался, вот и нашёл отдушину в таком занятии. С Ольгой у Бориса пошло как-то сразу ладно. Две половинки говорят в таких случаях. Через год, как сошлись вместе жить, Борис оформил свои активы на Ольгу, через завещание. Запечатал в конверт, а ей сказал: «Раскроешь если меня не станет». Ольга радовалась своему бабьему счастью. Директор ещё что-то говорил в трубку, и Борис отвлёкся от своих мыслей.

– Ты съезди, Борис, вдруг они к логову снежного барса намылятся, а нам этого не надо.

– Ты про кого речь ведёшь? – переспросил Крылов.

– Я говорю с области приехали, мать их, охотники-баламуты. По всему видно, что богатые развлекаются. У охотоведов лицензию купили на козлов и кабаргу. Я бы кого другого послал, но ты с такими быстро договоришься. Тебя даже с областной администрации побаиваются. Отгони их, да направь чуть северней.

– Охотоведы сдурели что ли? Какая лицензия в заповеднике, да ещё в феврале. Скоро «гон»б начнётся. Самцы самок будут обхаживать, – возмутился Борис.

– Ну и разберись. Они на снегоходах пошли, так что далеко в горы не двинуться. Твой снегоход на ходу? А то можешь взять у нас в гараже, казённый.

– Мой на ходу. А вот с бензином пришли кого-нибудь ко мне, а я пока соберусь.

Вздыхнув, Борис встал с кровати, дети ещё спали. Хлопнула дверь, в дом вошла Ольга с подойником в руках. Дом Ольге достался от её родителей. Похоронила она их давно, ещё до первого замужества. Дом большой на три комнаты. Борис вышел из спальни в столовую. Ольга, улыбаясь сняла полушубок, поставила ведро с парным молоком и скинула валенки, подбежала к Борису и прижалась грудью к нему.

– Ну что, любимый мой, проснулся? Я тебе там кваску поставила, – проговорила она певучим голосом, прижимая холодный нос к его шее.

– Видел, голубка моя. Спасибо. Ты собери мне что-нибудь с собой. Ромашов просил к Белухе съездить. Там приезжие охотиться вздумали. Надо их направить в другое место, а то ведут себя, как на собственном подворье.

– У Ромашова что, послать некого? Увижу его выцарапаю ему зенки бесстыжие. Не отказываешь ты ему, вот он и пользуется, варнак⁷, – возмутилась Ольга.

– Не голоси. К вечеру вернусь. Без ночёвки поеду. В понедельник и во вторник возьму выходной.

– Я Чалой овса дала. На снегоходе поедешь или верхом на кобыле?

– Сейчас Ромашов пришлёт кого-нибудь с бензином, на снегоходе быстрее будет, засветло вернусь.

Ольга молча пошла собирать еду и тёплые вещи. Борис знал, что Ольга беспокоится о нём. Хоть порой и чрезмерно. Но он не возмущался. Поймала баба счастье своё женское, вот и тревожится. А ему это порой даже нравилось. Да и чувствовал он к Ольге тягу сильную. Два года, как вместе, а ведь даже не поругались ни разу. Да и дети её к нему тянутся, отцом называют. Вот ведь не было семьи всю жизнь, а тут сразу и жена, и детки. К тому же Ольга месяц назад огорошила новостью.

– Боренька, тяжёлая я нынче. Дитё у нас с тобой будет, рожать буду, – прошептала она ему на ухо.

Он только и смог на радостях обнять её крепко, заглёбываясь нежными чувствами к своей женщине.

Собравшись, Борис вышел во двор и завёл снегоход. Прицеп брать не стал, сложил на багажник вещи и зачехлённый карабин. Туда же привязал канистру с бензином. Крепко поцеловал супругу и двинулся в путь. Через три часа он уже мог разглядеть гору Белуху невооружённым взглядом. Через полчаса нашёл следы от снегоходов охотников из области. Хотя какие охотники? Скорей браконьеры-любители, но с официальным статусом. Таких не враз прогонишь.

Поехал по следу и через двадцать минут услышал два выстрела. Свернул правее, чтобы срезать дорогу. Снова выстрел щёлкнул где-то поблизости. Борис остановился и привстал на снегоходе, прислушался. Снова выстрелы и резкий удар по голове. Он упал в снег.

– «Неужели шальная пуля? Или кто специально стрельнул?» – успел подумать Борис.

Перед глазами появился красный фон, который постепенно темнел. А через минуту его накрыла полная темнота. Вывезли Бориса Крылова сами же горе-охотники. Случайная пуля попала в голову на излёте, но тело продолжало жить. Через шесть часов его доставили в военный госпиталь, в Барнаул. Понимая свою вину, любители охоты из областной Администрации постарались использовать свои связи. В результате Крылова доставили в Барнаул вертолётном. Была проведена операция, но, к сожалению, пациент впал в кому. В голове пациента застряла пуля, которая, потеряв энергию силы, попала в голову Крылову. Пуля, как ни странно, не раз-

несла голову Бориса вдребезги. Мозг не повреждён, но вытащить пулю не смогли. Крылова поместили в военный госпиталь, но в платную палату, помогли друзья сослуживцы, оплачивали содержание ещё живого тела, но в абсолютно бессознательном состоянии.

Глава 1.

Июнь 1941 год. Западная граница СССР. Район на подступах к Белостоку.

Сначала я услышал голоса. Звуки доносились будто в уши ваты натолкали. Такое случилось со мной в Чечне в 1997-ом году. Тогда наша группа попала в засаду и меня контузило. Стоп! Кто я? Я, Борис Крылов, подполковник в отставке и работаю егерем в заповеднике. Что случилось? Кажется шальная пуля от охотников. Вот же засада. И что теперь? Попробовал открыть глаза. Голова забинтована, часть бинта мешает обзору зрения. Ужасно хочется пить. Я попробовал дотянуться до бинтов рукой.

– Товарищ старшина 1, командир очнулся, – обеспокоенно произнёс женский голос и звал какого-то старшину.

Я почувствовал, что кто-то подошёл, но не смог понять сколько человек.

– Сейчас я сменю ему повязку, – вновь прозвучал женский голос.

А это ещё кто? Что за дивчина? И главное, где я? К моему рту поднесли фляжку с водой, я жадно начал пить, пока фляжку не отстранили. Голова кружилась. Вскоре бинты с головы сняли, и я увидел перед собой молодую девушку. Она была в пилотке, гимнастёрке и солдатских шароварах, довоенного образца. Да, именно до Великой Отечественной войны. Стрижка короткая, карие глаза. На руке белая повязка с красным крестом. Я скосил глаза немного в сторону, рядом сидел военный лет двадцать пять или тридцать, усатый, лицо грязное, на голове зелёная фуражка. Погон на плечах нет. Но зато есть петлицы, тоже зелёные, и в них четыре красных треугольника. Так, и какое это звание? Вроде его называли старшиной, точно так и есть. Взглянул на девушку, у неё тоже петлицы тёмно-зелёного цвета с красной окантовкой и два красных квадрата. Это что за звание? Чёрт, не помню. За старшиной сидит боец, по знакам различия рядовой, чистые зелёные петлицы. Все какие-то грязные и потасканные. А форма? А что форма? Форма времён Великой Отечественной войны, первая мысль явно верная. Странно это всё. Надо выяснить что за маскарад? Где я? И что со мной?

– Товарищ командир, мы уж и не надеялись. Третий день несём вас на носилках, правда самодельные, но всё же. Хорошо нам попались бойцы из 27-ой стрелковой дивизии, правда сборная солянка. Частично из санитарно-медицинского батальона, частично из стрелкового полка, есть два разведчика. Военный фельдшер Дарья Петровна Бубнова. Всего пятнадцать человек. Из командиров, вы раненый и капитан. Правда он скончался сегодня утром, мы его похоронили на полянке в лесу. Так что я пока командую. Думали пробиться к крепости Осовец. Но куда там? Немчуры полно. Ночью разведка сходили в одно место. Дивизион артиллеристов там стоял. Но там тоже немцы. Уже временные склады охраняют. Правда ребятам повезло, подкрались и еды добыли. Раненых пятеро, но идут своими ногами. Из оружия десять винтовок, патронов почти нет. Разведчики немецкие автоматы добыли, у них на двоих шесть магазинов к ним. Ваш наган, да у меня такой же. Ещё от капитана ТТ2 остался, правда обойма одна к нему. Две гранаты. Пожалуй всё. Еды дня на два, может на три хватит. перевязочные материалы нужны. Лекарств нет, так Дарья Петровна сказала, – старшина замолчал, сняв фуражку и вытерев пот со лба.

И что мне сказать? И зачем он мне весь этот бред рассказал? Это что за розыгрыш? Так, успокоимся. Нужны ответы на мои вопросы.

– Ну и что здесь за шутки шутят? – спросил я скрипучим голосом.

Старшина, рядовой и фельдшер удивлённо переглянулись. Старшина тяжело вздохнул и кивком головы отозвал девушку. Они отошли недалеко и заговорили. Бинт мне поправили и сейчас я слышал о чём они говорят.

– Дарья Петровна, что с ним может быть? – спросил старшина встревоженным голосом.

– Вы говорили мина рядом взорвалась, значит возможна контузия³. Осколки вскользь по голове прошлись. Это лёгкое ранение. Может амнезия⁴? Такое бывает при контузии, нам на лекциях рассказывали, – и она посмотрела на старшину.

– Не помрёт от этой заразы... амнезии? – переспросил старшина.

– От такого потеря памяти может случится, а умереть не должен. Организм молодой. Не скажите сколько ему лет, старшина? – спросила она.

– В прошлом году только из училища. Двадцать три ему, – старшина горестно покачал головой и куда-то отошёл.

Итак, приводим голову в порядок. Похоже я на войне, которая Великая и Отечественная, где народ встал «...на смертный бой с фашисткой силой тёмною, с проклятою ордой...». Кажется, так в песне поётся. Ну не первая же мировая война? Одежда соответствует сороковым годам 20-го века. Судя по фуражке старшины, он пограничник и рядовой тоже из тех же родов войск. Остальных не видел. Опять же военный фельдшер. Это тоже указывает на то, что я в прошлом. Я потрогал себя по одежде, похоже тоже гимнастёрка. Дотянулся до кармана. Ага, там документы. Я достал их и раскрыл командирскую книжку. Лейтенант госбезопасности погранвойск, Борис Иванович Крылов. Ну ни хрена себе? А вот фото явно не моё. Фотография молодого парня темноволосого. Так, что ещё есть? Комсомольский билет. Тоже кстати на этого же парня, только данные совпали с моими. Странно это всё. Нужно зеркало. Я повернулся к рядовому.

– Боец, достань мне зеркальце, – попросил я молодого паренька.

Он убежал и вернулся с фельдшером, этой самой Дарьей. Она присела рядом. Порылась в сумке санинструктора и подала зеркальце.

– Не переживайте, у вас лёгкое ранение, – зашебетала девушка.

Я глянул в зеркальце. Точно рожа та же самая, что и на фото. Я поморгал, в зеркальце отразилось моргание. Итак, я попал в тело другого человека. Что там у нас с переселением душ? Читал что-то подобное о попаданцах. Слезы лить не будем, и головой о стену тоже биться не стоит, потому, как не продуктивно, да ещё возможно больно головой о стену. Хотя стены нет, есть деревья. Вот что за напасть? Только семью нашёл. Оленька, женщина ласковая и справная, детки опять же. А то всю жизнь холостяком, по чужим койкам и подушкам. И нате вам, хреном по всей морде. Перенесли в реальную «жопу». Что там было в 41-ом? Кажется, только три процента выжили, из тех, что начали воевать с первых дней войны. Или я ошибаюсь? Опять же с какой такой целью меня закинуло в это тело? Кем он должен стать? И чего сделать? Прогрессом заняться? В этом случае я технологий не знаю. Пользоваться оружием я умею, причём любым. Знаю взрывное дело. Тактику диверсионной войны знаю. Самое большее командовал группой человек в тридцать бойцов. Дослужился до майора, подпола на пенсию дали. Понятно, что в Рязанском училище меня учили, начинать бы мне командиром взвода, но направили в спецназ ГРУ5. Показатели были отличные, вот и повернула судьба. Но это всё полемика. Что мне с этим телом делать? Ведь я о нём ничегошеньки не знаю. А старшина явно служил вместе с лейтенантом. Да и рядовой похоже тоже. Косить на амнезию? Возможно. Как минимум это снимет ряд вопросов ко мне. Я пошевелил ногами и руками. Конечности в порядке. Перевалялся на бок и с кряхтением попробовал сесть. Рядовой боец увидел мои старания и помог.

– Не помню ни хрена. Боец, принеси воды, – заявил я, начиная оправдывать легенду.

Рядовой убежал. Вернулся через пару минут с фляжкой воды, а вместе с ним пришёл старшина и девушка Дарья. Они присели.

– Дарья Петровна, разве такое возможно, что я ничего не могу вспомнить? – спросил я фельдшера.

– Конечно. У вас ретроградная амнезия, наверное. Вы получили контузию. Но память может вернуться, – добавила она и замолчала.

– А может не вернуться? – задал я очередной вопрос.

– Медицина мало знает о человеческом мозге. Должно пройти время. Вот и ваши друзья рядом. Глядишь и память начнёт возвращаться, – неуверенно проговорила она.

– Хорошо. Старшина, давай по порядку. С чувством с толком и расстановкой. Начни с того, что мы пограничники. Кто ты? Где службу тянули? И как дошли до жизни такой, развесёлой? – спросил я уже у старшины.

– В общем так. Вас, товарищ лейтенант в прошлом годе, направили из Харьковского училища прямо к нам в 86-ой погранотряд, на нашу третью заставу. Я, Быков Фома Миронович, служу старшиной на заставе, сверхсрочникб. Точнее служил. Когда немцы навалились, личного состава на заставе имелось сорок человек. Под утро заставу обстреляли из пушек. Всё в щепки разнесли. Но вы накануне вечером, в очередной раз весь состав гонять начали и по окопам прыгать. Окопы давно выкопали. Ребята ещё матерились, мол злобствует командир. Но потом спасибо сказали. А так бы всех и похоронило под обломками. Потом немец попёр. Ну мы ему встречу устроили. Три атаки отбили. Потом они нас миномётами «утюжить»⁷ начали. Снова атака, мы отбили. Держались шесть часов. А когда немец начал тяжёлой артиллерией лупить, то всё, кранты. Сравняли там окопы. Вы и приказали, что отходить будем, а потом вас взрывом накрыло. Мы из плащ-палатки и палок, носилки соорудили. Стали отходить, а немцы насели. Сутки отбивались, только мы с Федей Титовым остались. Сержант Рябов ещё был, но он прикрывать остался. Мы оторвались, а сержант не вышел к нам. Может погиб. Через сутки наткнулись на эту группу окруженцев с раненым капитаном и фельдшером. Хотели на крепость идти, на Осовец, да там немцев, что тараканов за печкой. Отошли, а капитана тяжело ранило, умер сегодня утром. Закопали в лесу. Отошли на три километра и вот вы слава богу очнулись, – отчитался старшина.

– Говоришь с оружием и боезапасом кисло, по полям? – спросил я.

– Погано. Минут на пять боя хватит и всё, – вздохнул старшина.

– А далеко то место, где дивизион⁸ стоял, о котором вы между собой говорили?

– Сей минут разведчиков кликнем, – старшина кивнул рядовому и тот убежал.

Титов вернулся с двумя разведчиками. Они представились. Ефрейтор Олег Бобыкин и рядовой Игнат Дроздов. Оба старослужащие, служат почти по два года. С их слов было понятно, что лагерь артиллеристов в десяти километрах от нас. Но там охрана, организованная немцами. Количество личного состава примерно взвод. Есть офицер. Ящики со снарядами и бочки с горючим, видимо наши не успели с собой забрать, ещё четыре гаубицы. Я не удивился. Читал, что в начале войны, технику бросали, причём в рабочем состоянии. Я задумался. Против взвода мы не потянем. Тем более я не знаю на что способны эти ребята. А вот если потихому, под утро. Глядишь что-то выгорит. Что я зря почти двадцать лет в спецназе оттрубил? Кое-чему меня там научили. И тело мне от погранца досталось крепкое, точно не офисный менеджер. Я попробовал встать, получилось.

– Слушай, старшина. Я отойду из пистолета пристреляюсь, пойму не забыл ли как с оружием обращаться. А ты мне пару ножей у ребят присмотри и ТТ принеси, – дал команду и направился в лес.

Из револьвера звук выстрела далеко не разнесётся. А мне оружие опробовать надо. Потратил три патрона. Ничего так, на ворошиловского стрелка не потянуть. Но с двадцати метров точно не промажу. Пришел старшина принёс два ножа, два штыка от «мосинки»⁹ и ТТ. Из ТТ я и раньше стрелял. Попробовал, получается неплохо. Осмотрел штык-ножи, один оказался имуществом старшины. Я ему вернул. Попробовал метать штыки. Сначала не очень получалось, но с третьего раза дело пошло. Шагов пятнадцать, может двадцать гарантировано «пришпилю»¹⁰ немца как бабочку.

– Здорово, товарищ лейтенант. Зря раньше нам такие фокусы не показывали, – восхитился Быков.

Я пожал плечами. А что тут скажешь, если не помню ничего? С часик покидав штыки, решил, что достаточно. Вернулся к временному лагерю. Вечером перекусили, чем бог послал. Я собрал всех бойцов и объявил, что мы идём в поиск для восполнения боезапаса. С собой решил взять пограничников и двух разведчиков, фельдшера Бубнову оставил за старшего. Порадовался, что почти все бойцы просились в поиск. Значит толк от них будет. Надеюсь, я в них не ошибаюсь.

К временному складу отправились засветло. Бобыкин и Дроздов вели нас уверенно, не выскакивая на открытые места. Добрались через два часа. Устроили «лёжку»¹¹, я дал приказ отдыхать. Назначил очерёдность для сна и караула. Двинемся, когда «собачья вахта»¹² начнётся. В это время внимание часовых притупляется. Бобыкина и старшину Быкова послал, чтобы сходили понаблюдали, заодно и определяют через какое время смена часовых проходит. Бинобль был, его старшина ещё с заставы прихватил. Сам же сразу завалился спать, приказав разбудить меня в два часа ночи. Всё-таки слабость в моём новом теле присутствовала, отдых был необходим. Я проснулся от прикосновения к плечу, это был старшина.

– Командир, третий час. Пора вставать, – тих проговорил он.

– Ты хоть поспал, Фома Миронович? – спросил я, позёвывая.

– Три часа вздремнул. Мне достаточно. Это вам надо отдохнуть после ранения. Товарищ лейтенант, я оставил Бобыкина продолжать наблюдение. Пойду подниму остальных, будем выдвигаться понемногу, – сообщил старшина и пошёл будить остальных.

Через час добрались к тому месту, где затаился Бобыкин. Я, приблизив лицо к старшине заговорил с ним, тихим шёпотом.

– Мысли имеются, Мироныч?

– Часовых четверо. В четыре пройдёт смена. Полчасика подождём и можно начинать. Разрешите, мы с Бобыкиным с северной стороны зайдём? Там двоих и возьмём в ножи.

– Давай старшина. Сверим часы. Ровно полпятого начинай. Мы также здесь почистим.

Старшина с одним из разведчиков уползли в темноту. Потекло время ожидания. За пять минут до назначенного времени я пополз к своему часовому, а Дроздова направил к четвёртому немцу. Титов должен был прикрывать нас из винтовки. Хотя если не снимем по-тихому, немцы нам устроят Варфоломеевскую ночь. За дураков и неумех я немцев не считал. Опытные вояки и воюют не первый год. Не спроста они Красную Армию до Москвы гнали, был у солдатиков Рейха опыт, это надо признать. Всё прошло, как по маслу, каждый из нас снял часового тихо. Правда с грохотом винтовок при падении, но лагерь это не потревожило. К своему часовому я подобрался на пятнадцать шагов, как в масло штык вошёл под левую лопатку.

Когда с часовыми покончили, собрали с них оружие и патроны. Перед нами встала задача, что дальше? Я осмотрелся и глянул на часы. Через час с небольшим замена часовых. Надо шевелить «булками». Немцы установили палатки. Всего их четыре, но одна скорей всего командирская. На цыпочках подкрались к палаткам и проверили мы с старшиной. Командирская оказалась ближней к штабелям ящиков со снарядами. Сейчас там ефрейтор Бобыкин и рядовой Дроздов смотрят, что в ящиках и в бочках, которые рядом с ящиками. Я заглянул в командирскую палатку. Две кровати и длинный стол, на столе какие-то бумаги. На стойке, подпирающей палатку, висит керосиновая лампа, типа «летучей мыши»¹³. Странно, периметр немцы освещают от аккумуляторов. Скорей всего планируют вывезти этот склад в другое место. Мы с старшиной скользнули в палатку и по-тихому прирезали спящих. Так и есть лейтенант и унтер-офицер. Из оружия нам достались два автомата «МР-38»¹⁴ и два «вальтера»¹⁵. В углу палатки старшина присмотрел пулемёт «МГ-34»¹⁶, там же лежали запасные стволы к пулемёту. Немцы аккуратисты, запасные стволы уложены в тубус. Хорошая машинка этот пулемёт, скорострельность приличная, вот только ствол при длинных очередях перегревается. Вот и таскают они запасные стволы. Старшина приблизился ко мне.

– Товарищ командир, унтер в мундире был, видно он и разводил посты. Что с остальными делать будем? – Фома Миронович говорил шёпотом.

– Давай сюда Титова и разведчиков, – приказал я, просматривая документы на столе.

В прошлой жизни я в совершенстве знал три языка. Немецкий в школе учил, потом английский. Практика была в командировках по служебной необходимости. А испанский довелось выучить, когда пять лет в Центральной Америке военным советником службу тянул. Документы на столе – это в основном накладные на отпуск снарядов. Значит приезжают на загрузку. У меня появилась мысль. А не обзавестись ли нам техникой? В этот момент в палатку вошли разведчики и Титов.

– Так, бойцы, слушаем меня внимательно. В палатках немцы спят, и мы их всех ликвидируем. Три палатки в вас четверо, по двое на каждую. В третью я один войду. Валите всех без сожаления. Автоматами все умеют пользоваться? – начал я разговор.

– Так точно, товарищ командир, – ответил за всех Бобыкин.

– У автомата есть болезнь, если держать за магазин, может произойти перекокс патрона, потому держите за раму, возле магазина есть специальное место. Стреляете короткими очередями. В палатки врываемся одновременно. Всё, приготовились и вперёд.

Я взял два пистолета, ТТ и «вальтер». Мы одновременно кинулись в палатки, и я услышал треск автоматных очередей. Сам стрелял с двух рук, есть у меня такой опыт. В моей палатке был ещё один унтер, его я оставил в живых, вырубив на некоторое время. Когда всё закончилось велел собрать оружие и форму немецких солдат. Также разрешил осмотреть трофеи. Мелочи важны, когда ты воюешь в тылу врага. Какие мелочи? Бытовые, такие, как зубной порошок, зубная щётка, бритва или мыло. Кому-то покажется смешным упоминание об этом. А я скажу так. Попробуйте не чистить зубы в лесу в течении месяца или не бриться, не стричься. Быстро превратишься в лешего. Ко мне подошёл старшина, посмотрел на пленного.

– Очень правильно, товарищ лейтенант, что пленного взяли. Надо бы поспрашивать его. Вы же ловко допрашивали перебежчика полгода назад. А я вот только по польскому разумею, немецкий так и не выучил. Хотя несколько слов знаю, – пояснил старшина, почёсывая затылок.

Вот значит, как, оказывается хозяин моего сегодняшнего тела немецкий язык знал. Это хорошо. А то, как бы я стал объяснять знание языка.

– Мироныч, ты осмотри командирскую палатку, к пулемёту кроме запасных стволов должна быть асбестовая рукавица и патроны поищи. А немчуру я сам допрошу, – отдал я распоряжение и старшина вышел.

Я похлопал по щекам немца, вскоре он заморгал и открыл глаза. Руки ему связал заранее за спиной. Привалил его к кровати спиной. Допрос начал на немецком языке.

– Слушай внимательно. Я задаю вопросы, ты отвечаешь. Будешь упрямиться, буду делать очень больно. Если расскажешь всё, что меня интересует, оставлю живым. Понял? – я повертел ножом перед носом немца, нож взял у старшины.

Унтер-офицер кивнул головой подтверждая, что понял меня.

– Имя? Какое подразделение? – начал я допрос.

– Фридрих Мультике. Мы из охранной роты, к передовым частям не относимся, ответил унтер.

– Как долго собирались охранять этот временный склад?

– В течении двух дней должны вывезти. Наши части захватили большой склад большевиков, сегодня с утра будут две машины.

– Где находится большой склад и что там?

– Склад в тридцати километрах от Волковыска, там есть село Порозово. На складе боеприпасы Красной Армии, снаряды, патроны, вроде даже есть авиационные бомбы. Туда же свозят трофейное оружие.

– Сколько там охраны? И где сейчас передовые части?

– Склад охраняет рота охраны. Наш взвод должны были отправить к ним в усиление. Наши передовые части уже возле Минского рубежа. Вчера нам сообщили, водители, что приезжали за снарядами.

– Кто командует наступлением на этом направлении?

– Генерал-полковник Герман Гот. Сегодня или завтра там появится Гудериан. Так что Минску долго не продержаться. Лучше бы вы сдались. Мы не расстреливаем русских солдат, если они готовы служить Великой Германии, – унтер всё же запел песню о непобедимости Рейха.

Я врезал несильную пощёчину немчуре, чтобы не забывался.

– Ты меня, Фридрих, не агитируй. Я ещё к вам в Берлин приду и на костях вашего бесноватого Фюрера¹⁷ спляшу, а заодно наведу на его могилку.

Я достал ТТ и поставил на боевой взвод.

– Ты обещал меня отпустить, – испуганно заговорил немец.

– Не трясись, Фридрих. Я обещал оставить тебя в живых потому, что ты ещё не успел натворить бед на нашей земле. Прострелю тебе колено и руку. Это для тебя же лучше, комиссуют и отправишься домой жрать жаренные колбаски и тискать свою фрау¹⁸. Есть у тебя семья, жена дети? – говорил с немцем почти ласково.

– Есть, жена и две дочери. Ещё родители живые. Брат водителем в вспомогательных частях, – залепетал немец.

– Не ссы немчуря. Хоть инвалид, но будешь живым. Ваше гестапо¹⁹ тебя допросит, а ты скажешь, что потерял сознание. Ещё и благодарить меня будешь лет через пять.

Я развязал руки немцу и прострелил ему левую руку и колено. С коленом он гарантировано на инвалидность отвалит. Можно было конечно и зажмурить²⁰ его, но я пока не испытывал лютой ненависти к немцам. Тем более в прошлой жизни были операции совместные с потомками тевтонских рыцарей, ещё во времена ГДР²¹, в конце восьмидесятых. Многих я немцев из того времени знал, боевые ребята. Я вышел из палатки. Надо было готовиться к приезду машин снабжения немецкой армии.

Из воспоминаний ветерана Второй мировой войны Фридриха Мультике. 1960 год.

«На Восточном фронте мне довелось повоевать немного. Буквально несколько дней. В армию был призван в 1939 году. Служил в роте охраны, участвовал во Французской компании. А в 41-ом нашу часть оправили на Восточный фронт. Там я и получил тяжёлое ранение в ногу и в руку. Особенно плохим было ранение в колено. Пока попал в госпиталь, началось заражение. Ногу мне отрезали. Так что я прямиком направился в тыл, после госпиталя, конечно. Я хорошо помню того русского, который прострелил мне колено. Особенно запомнил его глаза. Он хоть и молодой был, но видно, что убивать ему не в первой. Этот русский тогда сказал, что придёт к нам в Берлин. Через четыре года так и получилось. Сегодня я даже благодарен этому русскому. Он мог убить меня, но оставил в живых, как обещал. Сказал, что я ещё не успел натворить бед на его земле. В Гестапо меня допрашивали, уже в госпитале, но я им не стал говорить про русского. Тем более тот отряд русских взорвал остатки боезапаса. Мне повезло. Повезло моей жене Марте. Муж хоть и калека, но вернулся живой. Многим и такой удачи не было. У меня был две дочери, потом родились два сына. Я же деревенский, своё хозяйство. Работников во время войны брал конечно. Но никогда не брал русских, взгляд того русского запомнил на всю жизнь. Никакой злобы или жестокости во взгляде, скорее равнодушие. Смотрит, как на таракана и думает, наступить ногой или нет. Были пленные из Европы, вот они и работали на нашей ферме...».

Конец июня 1941 год. Западная Белоруссия.

Немца я оттащил к ограждению, подальше от ящиков со снарядами. Останется живой, значит его удача. Сам я переоделся в мундир лейтенанта, он мне оказался в пору. Побрился, нашлось чем. Бритва у немца хорошая «Золинген», ребята тоже умылись и побрились, при-

вели себя в порядок. Возле шлагбаума организовано пулемётное гнездо, из мешков с землёй. Вот туда я и посадил старшину, переодетого в мундир рядового из самых крупных немцев. Наш старшина широкоплечий. Остальные тоже переоделись. Велел всем рот не раскрывать раньше времени. К восьми утра приехал грузовик и мотоцикл с коляской. До этого мы успели вкрутить взрыватели в снаряды. Нашли взрывчатку, три ящика и бикфордов шнур. Приготовились к уничтожению склада. Прибывших немцев я встретил сразу у шлагбаума и запросил документы на проверку. А потом дал команду и немцев перестреляли. В мотоцикле были два «фрица»²², вооружены автоматами, да пулемёт на коляске. Транспорт получили пора и честь знать. Неплохо разжились консервами, мясные и рыбные, галеты. Свернули и забрали три палатки, пригодятся. Хороший боезапас набрали, ну и разные нужные мелочи. Оказалось, что Дроздов умеет управлять автомобилем, так что сам я сел на мотоцикл. Подожгли шнур к взрывчатке и отправились до дому, до хаты. Бабахнуло знатно, но мы были уже вне зоны поражения. Прибыли к временному лагерь почти в обед. Там народ забеспокоился, да и взрыв они слышали. Но обошлось слава богу. Для себя я решил, что создаю диверсионный отряд и воюю в тылу. А то знаете, как бывает. Выйдешь к Красной Армии, а тебя в фильтрационный²³ лагерь, а там «кровавая гэбня»²⁴ замордуют вопросами. Оно мне надо? Нет уж, сомнительных удовольствий не хочется. Ко всему прочему засунут в стрелковый полк и на передовую. А там снова либо окружение, либо похоронка родным. Ведь были же какие-то родные у тела, которое мне досталось? Наверняка были и есть. К тому же, ну какой я пехотинец? Меня диверсантом учили воевать. Это я знаю и умею. Наверняка получше местного ОСНАЗа²⁵. Так что остаться в тылу врага будет самым верным решением. Заработаем авторитет устраивая «козью морду»²⁶ фашистам, потом авторитет будет работать на нас. А сейчас мы просто окруженцы, к которым доверия нет и быть не может. В этом вопросе я «гэбистов»²⁷ понимаю. По этой причине решил поговорить с народом. Собрались, вместе со мной получается шестнадцать человек. Народ разный. Шестеро из стрелкового полка, военный фельдшер и санитар, два разведчика, трое из артиллерийского дивизиона, два пограничника, ну и я сам тоже пограничник. Минут пять я осматривал людей. Уныния не вижу. Растерянность есть. Ну оно и понятно, неизвестность не прибавляет настроения. Тем более на первых парах войны громят Красную Армию в хвост и в гриву. Хоть и поётся в песне «...от тайги до британских морей Красная Армия всех сильнее...». Сильней кого? Тараканов за печкой? На меня люди смотрят, как на командира, а это уже хорошо.

Присев на поваленное дерево ещё раз окидываю взглядом всех сидящих полукругом напротив меня. Пограничники сидят рядом. Старшина Быков Фома Миронович, сверхсрочник, служит восемь лет на границе, ему тридцать шесть лет, а выглядит, как зрелый мужик. От природы в нём и стать и сила, хотя ростом чуть ниже меня, зато плечи широки, враз не обхватишь. На таких русская земля держится испокон веков. Рядовой Фёдор Андреевич Титов, служит второй год. Попал на границу в девятнадцать, сейчас ему двадцать один год. Рост примерно 180 сантиметров, светловолосый с голубыми глазами. Но видно, что тело крепкое и спортивное. А на границе другие и не служат. Рядом с ним расположились пехотинцы из стрелкового полка. Сержант Андрей Иванович Дронов, служит с 39-го года, успел на Финской войне побывать, брюнет с проседью на висках, среди своих пехотинцев пользуется авторитетом, двадцать четыре года. Далее сидят рядовые Тимофей Олегович Лыков, Александр Иванович Шишкин, Семён Фомич Рыбин, Пётр Кириллович Курочкин. Все молодые, не старше двадцати лет, рослые и крепкие. Ефрейтор Анисим Аверьянович Волков, двадцать три года, из потомственных охотников с Северного Урала. Ростом небольшой, не выше 165 сантиметров, темноволосый, чуть раскосые глаза. Рядом с ним сидит военфельдшер Дарья Петровна Бубнова, двадцать один год, стрижка короткая, но волосы аккуратно расчёсаны, на голове пилотка. Брюнетка с карими глазами, я бы сказал цвет глаз черничный. Меня на голову ниже, рост ниже 170 сантиметров. Худенькой её не назовёшь, но фигуристая и это факт. Как говорится «бог не обидел красотой».

И лицом привлекательная. Рядом с ней рядовой Игнат Иванович Грунин, двадцать два года, санитар, хотя служил почему-то в хоззвезде. Что очень хорошо, умеет водить автомобиль, в этом времени достаточно редкое умение. Далее сидят ребята из артдивизиона. Рядовые Антон Павлович Аверин, двадцать лет, и Олег Тимофеевич Чагин, ровесник Аверину. Парни крепкие, рост не ниже 180 сантиметров, в плечах широкие. Ефрейтор Тимофей Фёдорович Силаев, здоровяк под два метра, в плечах косая сажень, кулаки, как два моих, пулемётчик. С краю примостились разведчики из полковой разведки. Ефрейтор Олег Игоревич Бобыкин, двадцать два года. Рядовой Игнат Романович Дроздов, двадцать лет. Оба с опытом на Финской войне. Ребята крепкие и мной в деле уже проверенные. Я смотрел на этих по сути пацанов и думал, что именно такие и приняли на себя первый удар фашистов. Именно из таких доживут до конца войны только малые три процента.

– Поговорить со всеми вами хочу. Крепко и обстоятельно. Приказа отступить я не получал, но и оставаться на одном месте глупо, убьют достаточно быстро. А воевать надо. В связи с этим мной, как старшим командиром из имеющихся на заставе, принято решение о создании отряда специального назначения. Цели и задачи отряда – это охрана территории Советского Союза от немецко-фашистских захватчиков, проведение спецопераций на территориях, оккупированных противником в условиях военных действий. Разведывательные действия в глубоком тылу противника, агентурная работа, диверсии на стратегических объектах врага, уничтожение коммуникаций противника, захват высокопоставленных офицеров и уничтожение живой силы противника. По возможности охрана мирного населения СССР от карательных операций врага. Борьба с пособниками и предателями нашей Советской Родины. Захват и уничтожение вражеской техники, вооружения и штабов командования противника. Если будет возможность, то захват судов противника. Если, конечно, доведётся выйти в своих рейдах к морю. В этих действиях согласно присяге не пожалеем сил и даже самой жизни. Будем наводить страх на своего врага, уничтожать его, пока не загоним вражью силу обратно в их логово, – я прервался и вновь посмотрел на присутствующих.

А ничего так, прочувствовали. Даже плечи развернули, глаза горят решимостью. Речугу я толкнул знатную, любой политрук от зависти слюной захлебнётся. И я продолжил.

– По Уставу я могу привлекать любые разрозненные группы военных, для выполнения поставленной задачи. Но приказывать вам не буду. Мне нужны только добровольцы. Скрывать не буду. Будет сложно и трудно. Может наступить момент, когда потребуется пожертвовать своей жизнью. Я буду учить вас диверсионной войне. А в чём-то вы будете учить друг друга. От вас потребуется самоотдача и упорство, подпитанное ненавистью к фашистам. Не должно быть сомнений в моих приказах. Придётся убивать много, а порой и жестоко. Кто не готов или чувствует сомнения, лучше сказать сразу здесь и сейчас, таких мы проводим в сторону фронта к нашим. Говорите смело, никого осуждать и неволить не буду, – я обвёл взглядом людей.

– Разрешите вопрос, товарищ командир? – спросил сержант Дронов.

– Разрешаю всем задать вопросы, – ответил я.

– Товарищ лейтенант, вы сказали диверсионная война. Это типа ОСНАЗ? И чему будете учить? – Дронов внимательно смотрел на меня.

– Задачи нашего отряда будут действительно походить на задачи отряда НКВД28 особого назначения, только более широкий спектр. Учиться будем воевать эффективно, а именно рукопашному бою, стрельбе из любого вида оружия, управлению техникой, скрытному перемещению по лесу, ведению боя в городских условиях, минированию и взрывному делу, способам допроса пленных в полевых условиях, умению анализировать и использовать разведданные, способам создания агентурной сети, – уточнил я.

– А как с командованием будем связываться? Может наши действия будут вредны для решений командования Красной Армии, тогда как? – спросил Лыков.

– Я не сомневаюсь, что вскоре пройдёт приказ о создании партизанских отрядов. Связь? Будет связь. Надо заработать себе имя и авторитет. Сейчас мы кто? Группа окруженцев. Кто нам может верить? Может мы трусили и убежали с поля боя? Выйдем к своим и ждёт нас фильтрационный лагерь и допросы особого отдела. Они ведь не могут знать, что нас не завербовали немцы. Почему некоторые из нас покинули свои позиции? Никто не будет думать в особом отделе об ошибках командиров в армейских штабах. Что такое допрос вы наверняка слышали. Знаете также, что в 37-ом не все были предателями. Но отвечать на вопросы придётся.

– А что потом нам такие вопросы не станут задавать, так что ли? – опять Лыков спрашивает.

– Станут. Но только за плечами будет уничтожение сотен и тысяч вражеских солдат. За нас своё слово скажет боевой путь. Я обязательно заведу боевой журнал отряда, где буду указывать все действия и мои приказы. А победителей как известно не судят, – я улыбнулся на последней фразе.

Вопросов больше не задавали, как минимум пока. Поэтому дал время им подумать, встал с поваленного дерева и отошёл в сторону. Пусть между собой поговорят. Через пару минут увидел, как старшина Быков, что-то сказал, встал и направился ко мне. Он подошёл, остановившись навалился на дерево.

– Командир, я тебя знаю уже почитай год. Понравился ты мне сразу. Спуску разгильдяем не давал. Оно и понятно на границе шутки не пошутишь. Мы даже сдружились с тобой. Только вот после этой самой хреновой амнезии, другим ты, как вроде стал. Более жёстким что ли. Знания у тебя появились неизвестные, а я давно служу, всякое повидал, – старшина смотрел прищурившись.

Вот что ему ответить? Мужик опытный изменения заметил. Не говорить же ему правду о том, что я из другого времени. Не поймёт или не поверит, а того хуже за врага примет.

– Не знаю, Мироныч. Одно могу сказать, что появились эти знания в моей голове, вроде как учили меня. Я ведь об училище до сих пор ничего толком вспомнить не могу. Шум и темнота. А знания есть. Знать-то кто-то научил. А главное уверенность во всём в этом. Как будто интуиция нашёптывает, – я замолчал.

Старшина кашлянул в кулак, помолчал пару минут.

– Читал я, что человеческий мозг очень загадочный орган. Медицины и десятой доли не знает о возможностях человека. Скажу одно, я за тобой, командир, как нитка за иголкой. Куда ты, туда и я, потому, как мысли твои правильные.

Старшина ещё раз кашлянул и пошёл к группе ребят. Я задумался. Поверил или нет? Думаю, важно то, что он принял мою позицию. А в остальном время покажет и рассудит. Выждав двадцать минут, заметил, что разговоры среди бойцов утихли. Я двинулся к ним.

– Итак, напомню, что мне нужны только добровольцы.

– Да что там судить и рядить. Все с тобой, товарищ лейтенант, – ответил за всех сержант Дронов.

Народ согласно закивали головами. Я предложил выбрать название отряда. Посыпались предложения «Сталинцы», «Красные дьяволы», «Смерть фашизму», «Смерть врагам», «Интернационал», «Боевые коммунисты», «Борцы за светлое будущее» и тому подобное. Я слушал улыбаясь. Всё-таки идеологическое влияние присутствует.

– А как вам такое название? «Вымпел», – предложил я.

– А что это значит, товарищ лейтенант? – спросила Бубнова.

– Вымпелом награждают самых достойных. На производстве – это передовики, в армии – отличники боевой и политической службы. Не обязательно, чтобы было прямое значение. В нашем отряде будут все только достойные. Я думаю, вы меня не подведёте, – я снова улыбнулся и все тоже заулыбались.

Я подумал, насколько сильно в этом времени люди накачаны идеологией. Именно такой народ и смог победить фашизм.

Июль 1941 год. Оккупированная территория СССР. Отряд «Вымпел».

Я конечно позаимствовал название отряда из своего прошлого. Ну а почему бы не начать боевой путь такому отряду с 30 июня 1941 года? Вполне значимо, если меня не убьют за годы войны, продолжу развивать этот бренд. Я собственноручно написал приказ о создании отряда, а далее приказы о зачислении бойцов в этот отряд. Ведение боевого журнала началось. Потекли будни обучения бойцов. Физическая подготовка у бойцов была невысока, за исключением пограничников и разведчиков. Но молодость брала своё. За неделю марш-бросок в пять километров казался простой разминкой. Я распределил обязанности в отряде. Изучение немецкого языка необходимо. Выяснилось, что Бубнова неплохо знает язык. Её мама была учителем немецкого. Вот мы с ней попеременно и стали заниматься ежедневно с бойцами. Причём у Бубновой получалось лучше выполнять роль учителя. Кроме этого, Дарья до войны сдала на «Ворошиловского стрелка», у неё даже значок такой был. Её я поставил для освоения дополнительной специальности снайпера, а наставником к ней удмурта ефрейтора Волкова. Заодно она его по немецкому погоняет. Каждый вечер я проводил занятия по рукопашному бою, учились все и не менее двух часов ежедневно. Навыкам следопыта учили старшина Быков и ефрейтор Волков. Перед сном обязательно проводил занятия по способам анализа полученной информации. Учили стрельять из всего оружия, что было у нас. Ко всему прочему я стал обучать бойцов «качать маятник», такие движения, которые помогут сбить прицельный выстрел в твою сторону. Это когда ты двигаешься и перемещаешься так, чтобы в тебя противник не мог попасть даже с расстояния в десять шагов. Учили стрельять в перекатах и с разных рук, кидать ножи и штыки в цель, уклоняться от удара винтовкой с штыком. К вечеру бойцы еле ноги волочили. Но результат был виден с каждым днём. Мы растратили почти весь боезапас и подъели наши запасы продуктов. Требовалось идти в разведку и пополнять наши запасы трофеями. У меня осталась карта от немцев со временного склада, где были указаны координаты складов немецкой армии. Да и обстановку на фронтах требовалось узнать. От ежедневных занятий по немецкому языку Бубнова говорила быстро и почти без акцента. Хорошие показатели давали разведчики и пограничники. А старшина знал хорошо ещё и польский язык. У нас был транспорт, поэтому по тылам я решил передвигаться в мундирах немецкой армии. Была вероятность, что мы наткнёмся на окруженцев, но, по-моему, фронт ушёл далеко. От границы все окружённые формирования давно ушли, либо их переловили немцы. Хотя может я не прав. Мы находились в лесном массиве, южнее Волковиска. Недалеко от нашей бывшей границы. В первую очередь нам нужны были патроны и питание. Поэтому я принял решение посетить склад возле села Порозово. Не то, чтобы штурмом собирался брать этот склад. Были у нас трофейные документы с печатями, на получение боеприпасов и продуктов, оставалось только вписать наименование в накладные. А вообще-то стоило подумать о документах. С тем убитым лейтенантом у меня было небольшое сходство, подобрали и остальным ребятам зольдбухи, так называемые документы, от убитых немцев. Серьёзной проверки эти солдатские книжки не выдержат, конечно, но я решил рискнуть использовать бумаги.

Мы привели себя в достойный вид, почистились и побрились. Не получилось только подобрать одежду на Бубнову. Будет играть роль переводчицы, насколько я раньше читал, что немцы часто использовали гражданских. Сам я говорил на немецком чисто, практика богатая имелась в прошлом. Для этого мы направились сначала в Волковиск. Надо было посетить там комендатуру. Я верил, что меня не просто так закинули в это время, а значит удача будет сопутствовать мне. На акцию взял с собой четверых, Быкова, Бобыкина, Титова, Бубнову и Дронова. Они более-менее могли объясниться на немецком. Хотя я велел им больше помалкивать. В город заехали ближе к вечеру. Здесь был блокпост, но охраняли его не немцы, а полиция. С первых дней войны нашлись желающие служить великой Германии. От них мы узнали место-

расположение комендатуры. И узнали, что здесь организуют концентрационный лагерь и гетто для евреев. Передвигались на грузовике. Комендатура расположилась в бывшем райкоме партии. На входе стоял часовой. Я вышел из машины и направился к коменданту, сделав независимый и важный вид, как-никак играю роль победителя «русских варваров». Часовой оставил меня, я сверкнул документами, а чтобы он не вглядывался в фото, тут же наехал на него.

Разговор на немецком:

– Почему верхняя пуговица расстёгнута, ремень ослаблен. Солдат, ты не знаешь, что такое дисциплина? Комендант распустил вас? Задам ему такой вопрос.

Часовой испуганно вытянулся по стойке смирно, что-то промямлил. Я сурово осмотрел его и шагнул внутрь здания. Бубнова молча последовала за мной. К коменданту мне пока не надо. Не сам же он выписывает документы. А кто? Скорее всего в канцелярии либо в отделе регистрации. Вот туда я и направил свой путь. В отделе регистрации нашу девушку Дарью зарегистрировали безо всяких проблем, как служащую Великому Рейху. Оттуда направили в канцелярию, там поставили печать. Я быстренько разговорился с местным унтер-офицером. Как его взяли в армию? Этот фрукт носил очки, сквозь линзы которых его глаза увеличивались чуть не в два раза. Однако Пауль Шмутке оказался милейшим человеком. Разговор на немецком.

– Господин лейтенант, зачем вам ехать в Прозово? Уже как неделю работает армейский склад на станции в посёлке Пограничный. Там есть всё и доставка удобная по железной дороге. А в Прозово склад будут упразднять, максимум неделю просуществует, – заявил он после того, как я пожаловался, что мне надо в Прозово по снабжению.

Зазвонил телефон, Шмутке взял трубку. Его к себе вызывал комендант. Унтер засуетился. Я смотрел на него и удивлялся, вот ведь совсем не военный человек, однако служит, хоть и в канцелярии.

– Господин лейтенант, давайте все ваши бумаги я подпишу у коменданта. Вы можете подождать меня здесь. У меня в кофейнике есть кофе. Угощайтесь.

Шмутке убежал, а я осмотрел его кабинет. В ящике нашёл две печати, они были старенькие, возможно на выброс, но мне подойдут. А непоседа Шмутке просто забыл, что такие вещи разбрасывать нельзя. Поможем «выбросить», я сунул печати в карман. Прикарманил пачку заявок с накладными, сунув их за пазуху. Налил себе кофе и выглянул в коридор. Дарья послушно стоит рядом с дверью. Велел идти ей в машину. Вскоре появился Шмутке, отдал мне бумаги и документы. Я не забыл похвалить кофе у унтера.

– Господин лейтенант, мне право не удобно. Но я хочу попросить вас. В следующий раз, когда при едите к нам, привезите мне пистолет русских, «ТТ» называется. Мне для коллекции. Я дома собираю коллекцию разного стрелкового оружия. А я отплатю чем смогу, – он явно смущался и краснел.

Я уверил его, что обязательно привезу. Тем более у меня такой есть, забрал с убитого комиссара. Вот я уже и дружбу завёл, а можно будет и завербовать. Я вышел из кабинета и был уже на выходе, когда меня догнал офицер в чёрном мундире. Я обернулся и напрягся. Этот немец принадлежал к подразделениям СС, об этом говорила его форма.

– Штурмбанфюрер 29 СС Фридрих Фишер, – вальяжно представился он.

Я ответил на приветствие назвав себя как лейтенант Ганс Шрёдер.

– Господин лейтенант, у меня к вам просьба. Мне сказали, что вы наверняка поедите на армейский склад. Не могли бы вы прихватить меня и моего ординарца? – он посмотрел на меня немного внимательней, чем мне бы хотелось.

Я несколько мгновений рассматривал его. А ведь он похож на меня, только старше лет на пять. В его руках портфель. Я ответил, что, конечно, буду рад услужить. А в голове уже вертелось «Главное, чтобы костюмчик сидел». А не примерить ли мне костюмчик этого эсэсовца на себя? За руль я сел сам, отправив старшину в кузов. Туда же сел с чемоданами и ординарец

Фишера. Самого эсэсовца пригласил в кабину, мотивируя тем, что хочу послушать его, так как он недавно из столицы Германии. А через полчаса мы выехали из Волковыска. Фишер легко сходилась с людьми, он предложил мне вести беседу без формальностей.

– Скажите, Ганс, как вам Восточный фронт? – спросил он.

– Терпимо. Комиссары бегут, только пятки сверкают. После победы я мечтаю получить землю в Крыму, из-за этого исполнил рапорт о переводе сюда, в эту варварскую страну. Но из русских свиней получатся хорошие работники, я надеюсь. До этого служил во Франции.

– Даже так? Вы меня удивили. Обычно наши солдаты не стремятся покинуть Францию.

– Ну а вы, Фридрих, по служебным делам? Если это не секрет, конечно, – улыбаясь спросил я.

– Секрет, но небольшой. Буду заниматься вопросами пленных и партизан. Уже есть такие бандитские формирования. Но это не интересно. Есть кое-что приятное. Моя подруга и соратник гауптштурмфюрер СС Марта Хоффманн, будет отбирать красивых славянок из лагерей для работы в офицерских домах терпимости. В Минске, в Киеве и других крупных городах. А возможно и не только в крупных. Я выбил ей разрешение, деньги не бывают лишними. Кстати, она должна прибыть сегодня на эту станцию... Пограничное кажется.

И Фишер радостно засмеялся. Чуть позже он достал фото этой Хоффманн и показал мне. Я заметил, что Дарья немного походит на эту женщину. А значит мне нужна эта немецкая сука и её документы. Звёзды сходятся, а то я голову сломал, как мне переодеть Дашу в мундир немки.

– Фридрих, а зачем вам на армейский склад? – спросил я вновь.

– Приедет команда, которая будет работать со мной. Так что мне надо оформить получение мундиров и оружия на взвод. Жду их через пять дней. Они, кстати, тоже едут из Франции.

Мы были в часе езды от посёлка Пограничный, когда в кузове что-то брякнуло и зашумело. Я не стал дожидаться, когда эсэсовец будет дёргаться, а ударил его ребром ладони в гортань и тут же нажал на тормоз. Я осмотрел тело Фридриха, он уже «зажмурился», отошёл в мир иной, сломал я ему гортань. Я кинулся из кабины и подбежал к задней части машины, заглянул в кузов. Быков и Дронов, связывают немцу за спиной руки.

– Здоровый чёрт. Кое-как вместе с Андреем справились, – пропыхтел старшина.

– Ну и что случилось, поясните? – спросил я.

– Да привязался немчура к нам с вопросами, а мы молчим. Он начал ругаться и за автомат хвататься. Вот и пришлось повязать, – ответил за всех старшина.

– Ладно. Сейчас свернём с дороги, допросим. Снимите с него мундир, да не порвите. Думаю, по размеру Силаеву подойдёт. И давайте кто-нибудь помогите мне труп эсэсовца из кабины перетащить.

Мы перетащили тело Фридриха в кузов, за руль сел старшина Быков. Двинулись дальше в поисках свёртка с дороги в лес. Вскоре свернули в лес, углубились недалеко. Нужно было по-быстрому допросить связанного немца и торопиться на станцию. Необходимо обязательно встретить фрау-мадам. Форс-мажор, мать его.

Говорить эсэсовский ординарец сначала отказался, решил поиграть в стойкого тевтонского рыцаря.

– Андрей, срежь-ка палочку и на глазах немца строгой колышек, размером с мою руку, не толще, – попросил я.

Когда Андрей вернулся и начал строгать небольшой кол, прямо перед глазами немца, я вновь приступил к допросу. Разговор на немецком:

– Видишь он строгаёт кол? А знаешь зачем эта палка? Мы на этот кол тебя посадим, как курочку гриль. Когда твой анус затрещит, ты нам расскажешь всё, что знаешь. Даже о том, с кем ты потерял свою девственность, – говорил я нервно, всё время выпучивая глаза на немца.

Рядом лежал труп Фишера, и ординарец косился на труп своего начальника. Я кивнул ребятам, они согнули немца и стали срывать с него шаровары и подштанники. Тот завыл, по моему знаку парни остановились.

– Чего тебе надо русский? – просипел он.

– Я не русский, я татарин. Про монголо-татар слышал? У нас такое правило сажать непо-слушных врагов на кол. Но если будешь говорить, то твоя пятая точка меня не заинтересует.

– Спрашивай, – немец был напуган, такие как он, привыкли издеваться сами, но не терпят, когда к ним применяют такие же методы.

– Кто твой хозяин на самом деле? С какой целью вы прибыли сюда? Сколько прибудет людей в команду для твоего начальника? И что за баба, которую мы должны встретить?

– Мы из четвёртого управления Имперской безопасности. Прибыли сюда для выявления врагов Рейха. Как среди населения оккупированной территории, так и среди войск армии. У Фишера были особые полномочия от Рейхсфюрера³⁰. Он подчиняется напрямую самому Рейнхарду Гейдриху. Но сейчас он получил поручение от Рейхсфюрера СС Гиммлера. У него самые высокие полномочия. Есть соответствующий документ. На станции должны встретить фрау Хоффманн, чем будет заниматься она я не знаю. Но в нашей конторе многие её побаиваются. Ей благоволит Рейхсфюрер Гиммлер.

Я ещё поспрашивал немца о мелочах, а потом велел ребятам уволочь его в лес и там закопать вместе с телом Фишера. Требовалось торопиться на станцию.

Фройляйн³¹ Хоффманн мы встретили вовремя. Немка оказалась подозрительной и сначала не хотела ехать с нами. Мне с трудом удалось убедить её, что Фишер ждёт ее на армейском складе. С ней была сопровождающая прислуга. Молодая женщина лет тридцати и тоже эсэсовка Хельга Беккер, в должности унтер-офицера. У нее было звание штурмшарфюрер³² СС, что ровнялось званию штабного фельдфебеля. А через полчаса мы уже были в лесу, это совсем не понравилось фройляйн. Но оказалась крепкая тётка, строгание кола её совсем не напугало, она только ухмылялась мне в лицо. Заявляла при этом, что её не напугает какая-то палочка. В неё не раз проникали мужчины, в том числе и в анус. Решение нашёл старшина, предложив посадить её на муравейник голым задом. И пока она мужественно пыталась терпеть, допросили её подругу. Или служанку? Чёрт их разберёт. Посмотрев на свою хозяйку, Беккер молчать не стала. Рассказала про то, что они действительно должны организовать бордели для офицеров. Таким способом следили за психологическим равновесием солдат и офицеров. А то устают от войны вояки. Но задача в том, чтобы собирать информацию, кто из офицеров или солдат не лоялен к Адольфу Гитлеру. Пока допрашивали Беккер, сломалась Хоффманн. Информация из неё потекла как вода из шланга. У Хоффманн были очень мощные полномочия от Гиммлера и даже бумага от Гитлера. При предъявлении такого документа можно получить содействие от любых структур немецкой армии. В том числе Хоффманн поведала, что приезжающая команда Фишера, это силовая поддержка. Мало ли кого потребуется арестовать или даже расстрелять. Хоффманн и Фишер могли принимать такое решение, составив предварительные бумаги и протоколы. Стратегическими данными наши пленницы не обладали. Это скорей всего их внутренняя политическая возня. Без шума и пыли немцы прирезали и закопали там же в лесу. У Бубновой действительно было сходство с Хоффманн, различался только цвет волос и немного цвет глаз. У немки глаза были серые, а у Дарьи тёмные, но на чёрно-белом фото не особо заметно. Нам нужна парикмахерская и мундиры на остальных членов группы. Фишер должен был получить по документам на довольствие всё на армейском складе. Вот туда мы и направились. Предварительно переодев меня в офицера СС. Нужно было ещё и причёску привести в порядок, но это я планировал сделать в городке Волковыск, там точно видел такое заведение. Заодно там перекрасить волосы Дарье.

Июль 1941 год. Выписка из боевого журнала отряда «Вымпел».

Приказ №1 от 30 июня 1941 года.

В связи с сложной оперативной обстановкой и оккупацией армией Германии территорий СССР. А также в связи с временным отступлением подразделений Красной Армии, считаю необходимым создание отряда специального назначения, с кодовым названием «Вымпел». На основании этого

ПРИКАЗЫВАЮ:

Создать отряд специального назначения.

Определить цели и задачи отряда, а именно: проведение спецопераций на территориях, оккупированных противником, в условиях войны. Разведывательные действия в глубоком тылу противника, агентурная работа, диверсии на стратегических объектах, уничтожение коммуникаций противника, захват высокопоставленных офицеров Рейха, уничтожение живой силы противника. Охрана мирного населения СССР от карательных операций вражеских формирований, проведение операций по уничтожению вспомогательных воинских формирований и организации паники среди личного состава тыловых войск противника. Борьба с пособниками и предателями нашей Родины. Захват и уничтожение техники, вооружения и штабов противника.

Командование отрядом «Вымпел» как старший командир, в данной ситуации, беру на себя, осознавая полную ответственность за свои действия.

На основании Боевого Устава и в условиях ведения войны с Фашистской Германией принимаю в отряд разрозненные группы из разгромленных частей РККА33. Принятые военнослужащие в отряд имеют воинские звания. Все без исключения давали воинскую присягу народу СССР.

Списочный состав отряда:

Командир отряда – лейтенант погранвойск НКВД СССР Б.И. Крылов.

Заместитель командира отряда – старшина погранвойск НКВД СССР Ф.М. Быков.

Медработник (дополнительная специальность снайпер) – военфельдшер Д.П. Бубнова.

Снайпер – ефрейтор А.А. Волков.

Командир взвода (полувзвод) – сержант А.И. Дронов.

Боец отряда – рядовой Т.О. Лыков.

Боец отряда – рядовой А.И. Шишкин.

Боец отряда – рядовой С.Ф. Рыбин.

Боец отряда – рядовой П.К. Курочкин.

Боец отряда (дополнительная специальность санитар) – рядовой И.И. Грунин.

Пулемётчик – ефрейтор Т.Ф. Силаев.

Пулемётчик – О.Т. Чагин.

Пулемётчик – А.П. Аверин.

Разведчик – ефрейтор О.И. Бобыкин.

Разведчик – И.Р. Дроздов.

Разведчик – рядовой погранвойск НКВД СССР Ф.А. Титов.

30 июня 1941 года.

Лейтенант погранвойск НКВД СССР 86-го отряда 3-я застава Б.И. Крылов.

Июль 1941 год. Выписка из боевого журнала отряда «Вымпел».

30.06.1941г.

В связи с необходимостью работы в тылу противника принято решение обучать членов отряда знанию немецкого языка. Ответственная Д.П. Бубнова.

В связи с отсутствием боезапаса к стрелковому оружию принято решение совершить нападение на временный склад немецкой армии. Задание выполнено, боезапас пополнен, временный склад противника уничтожен (потери противника 38 человек, из них офицер 1, унтер-офицеры 3).

С целью захвата техники по оперативной необходимости совершено нападение на тыловую группу противника (потери противника 6 человек, из них унтер-офицеры 2).

В течении 14 дней проводятся интенсивные занятия по обучению членов отряда рукопашному бою, стрелковой подготовке, минно-взрывному делу.

12.07.1941г.

Совершенно нападение на специальный отряд СС Имперской безопасности Германии. Задание выполнено, отряд СС уничтожен (потери противника 34 человека, из них офицеры 2, унтер-офицеры 6).

Июль 1941 год Оккупированная территория СССР. Маскарад.

Когда прибыли на армейский склад. Главный интендант на складе готов был отдать всё, лишь бы побыстрее избавиться от офицера СС, да ещё из Имперской безопасности. Но мы стесняться не стали. Ещё при жизни, Фишер оказывается сделал заявку на этот склад в начале июля. Заказал он мундиры с символикой СС, камуфлированные костюмы десантников, всего тридцать комплектов. Из стрелкового оружия был сделан заказ на два пулемёта «MG-34», тридцать пистолет-пулемётов «MP-38», тридцать самозарядных пистолетов «Вальтер Р38». Чем Фишер хотел заниматься я примерно представлял, но меня ожидал сюрприз на складе. Фишер заказал оружие в комплекте с ПБС, приборами бесшумной стрельбы. Кроме этого, были заказаны две снайперские винтовки с оптикой и тем же ПБС. Здесь на складе я узнал, что оказывается Германия не изготавливала приборы ПБС, а закупали в СССР, ещё до войны, прибор «БраМит». Серийный глушитель «БраМит» изготавливался в СССР с начала 30-ых годов. Своего удивления я не показал, продолжая кошмарить интенданта. Нам выдали патроны к оружию, в том числе мы получили специальные патроны для стрельбы с прибором ПБС. Дали нам и запасных резинок-вкладышей к этим приборам бесшумной стрельбы. Я брал всё что заказал Фишер ранее, разве что патронов побольше, да дополнительно две снайперских винтовки. Взяли гранат, противотанковых мин, противопехотных мин, несколько ящиков взрывчатки, машинку взрывания «М-40» и две катушки провода. Перешли к продовольственному довольствию. Получили шоколад, сгущённое молоко, тушёнку, консервированные каши, галеты, кофе, чай, сахар и сухие пайки для лётчиков, они получше, чем в других подразделениях. Остановившись после окончания оформления, я понял, однозначно требуется две машины, если не три. Сильно давить на интенданта не стал. Документы, которые остались в наследство от Фишера без моего давления приводили тыловые службы немцев в бледное состояние. К тому же может сложится так, что мне придётся вернуться на эти склады. Бойцы моего отряда просто охренели от количества и качества продуктов, которые грузили в кузова машин. Переодеваю Дарью, с новыми документами на Марту Хоффманн и старшину Быкова оставил получать товар на складе, а сам отправился на поиски ещё двух грузовиков. С документами Фишера это оказалось нетрудно. На станции нашёл каких-то армейцев и быстро запряг их под это дело. Сопровождающий лейтенант, даже не пытался возражать. Загрузились и поехали в сторону Волковыска. По дороге избавились от лишних немцев, удавив их тихонечко, чтобы не испортить мундиры, пригодятся. Переночевать пришлось в лесу, не доезжая до города. А с утра нагрянули в парикмахерскую. наших ребят подстригли, а Дарье покрасили волосы, превратив её в блондинку. Потом нашли портного, кстати подсказал парикмахер, явно еврейской наружности. При разговоре со мной он постоянно дрожал. На подгонку мундиров ушёл целый день. От Фишера и Хоффманн досталось денежное наследство, в размере пяти тысяч рейхсмарок. Так что отобедали в ресторане. Где от нашего присутствия тоже была суета. Видимо не часто заглядывают эсэсовцы в таком количестве. Чтобы спрятать концы в воду, надо было встретить три десятка бойцов Фишера. Вот здесь я поволновался, они могли попросту не поехать с нами. Подсказала Даша. Она предложила направить немецкую машину с настоящими немцами, а мы их встретим на дороге. Получилось неплохо. Не знаю, что там немцы друг другу втирали, но бойцы Фишера приехали. А мы, не заморачиваясь опробовали

автоматы с ПБС. Вновь прибывшие были почему-то в гражданской одежде, вот почему оказывается, на них получали мундиры. Только получили мы мундиры и обувь по нужным нам размерам. Умотались за эти пять дней по полной. Отъехали южнее, до села Свислочь, здесь и заночевали. Можно было строить дальнейшие планы, предварительно устроив тайник. Боезапаса было много, мы же не цыгане ездить таким табором. Тайник устроили недалеко от Порозово, в лесном массиве. Одну машину спрятали в лесном овраге в тридцати километрах от тайника, вырыв глубокий капонир, яма такая, что-то типа окопа для солдата. А на двух отправились дальше, был с нами и мотоцикл с коляской. Которым научился управлять Фёдор Титов, в коляску за пулемёт сел Иван Грунин. Первым грузовиком управлял старшина Быков, вторым управлял Лыков. Распределившись, таким образом двинулись на восток в сторону Могилева. Пора было переходить от теории к практике. Я сообщил ребятам о ситуации на фронте. О том что атакуют Ленинград, Смоленск и Киев. Враг углублялся в территории нашей Родины. Весь отряд переживал и рвался в бой. Но я сдерживал их от открытых столкновений. В маскарде эсэсовской формы мы могли проникнуть на любой объект и провести там подрыв.

Мы проехали Барановичи, здесь во всю хозяйничали немцы. От Барановичей двигались к Минску, но после Новоколосово свернули на Литвины, взяв направление на восток. На этой дороге наткнулись на колонну. В составе колонны были пять танков «Т-3», они двигались с ремонта, два «Панцервагена»³⁴, бронетранспортёры, один оборудован крупнокалиберным пулемётом «MG-131»³⁵. Хорошая игрушка, нам такая точно пригодится. Имелись четыре грузовика с боеприпасами для стрелкового оружия, гранатами и снарядами, в том числе для танков. Вот так мы за ними и въехали в почти разграбленное село, названия я не знал. Немцы остановились, возможно, чтобы переночевать. А через пяток минут и мы подтянулись. Колонной командовал обер-лейтенант. Так что построил я его быстро. Обвинив в том, что солдаты Рейха³⁶ ждут технику на фронте, а нерадивый офицер занимается мародёрством вместе с подчиненными. Немцы отбирали кур и поросят у тех жителей деревни, что не успели сбежать. Построили солдат сопровождения в шеренгу. Здесь были тыловые солдаты и взвод охраны. Я для поднятия важности походил вдоль строя, читая нотации солдатикам о высших целях Великой Германии, ну и прочую чушь. У немцев также, как у большевиков большое значение придают идеологической накачке личного состава. А потом мои бойцы расстреляли строй немцев из пулемёта. Приучая своих бойцов делать «контроль», заставил стрелнуть каждому немцу в голову, можно и ножом, но пачкаться кровью не хочется, стирай потом одежду после этого. Хотя старшина Быков задал правильный вопрос.

– Командир, а у них прачечные есть?

Я всерьёз задумался об этом. Ползая по лесам и прочим буеракам, мы непременно будем пачкаться, обрастать волосами и щетиной. А немцы народ аккуратный, выглядят всегда чисто и презентабельно. Осталось распределить призы. Взяли себе «панцерваген» на гусеничном ходу, с двумя передними колёсами и крупнокалиберным пулемётом, плюсом забрали грузовик марки «Мерседес», он был самый новый из всех остальных машин. Перегрузили свои вещи, добавили по максимуму боеприпасы. Меня порадовало то, что был хороший запас патронов 13х64, крупный калибр – это вещь в столкновениях, которые нам предстоят. Остальную технику тупо подожгли, как не кричала моя «жаба», как не обливалась горячими слезами, но нет у меня столько народа для управления техникой. А мотоцикл нужен для разведки. Где и примостились наши разведчики. Бронетранспортёр повёл Грунин, он как-то быстро в нём разобрался. Кстати, он ещё до поджога снял кое-какие запчасти, заявив «запас карман не тянет». В этом месте у нас произошёл небольшой казус. Наша комсомолка Даша Бубнова возмутилась, что бойцы собирают трофеи.

– Такое поведение не достойно звания советского человека, товарищ командир. Это мародёрство, за это под трибунал отдадут, – Дарья даже раскраснелась от возмущения.

Вот тебе и здравствуйте. Это что, бунт на корабле? Не учёл я, что в этом времени воспитание комсомольцев совсем не как в моём времени у молодёжи. Бойцы даже приостановились собирать трофеи у убитых немцев. Надо девочке пояснить, да так чтобы в дальнейшем не возникало таких эксцессов и мыслей в её симпатичной головке. Я подошёл к ней ближе.

– Товарищ военврач, во-первых, мы находимся в рейде и разговаривать нужно на немецком языке. Мало ли кто нас может услышать. Во-вторых, это не мародёрство, а сбор трофеев. Мародёрство, когда обираешь убитых кем-то. А если сам уничтожил врага, то следует забрать все полезные вещи. Нам никто не принесёт на блюдечке разные мелочи. Снабжением отряда мы вынуждены заниматься сами. А потом, вы в курсе, что в армиях существуют трофейные команды? В том числе в Красной Армии. Как говорится «что с боя взято, то свято». Ещё вопросы по этой теме есть? Отлично. Чтобы вы лучше понимали политику нашей ведущей партии и товарища Сталина, даю вам комсомольское поручение, проводить политбеседы с личным составом, в минуты отдыха. Для этого, вы при любом удобном случае собирает нужную информацию о положении на фронтах, также о том, что творится на оккупированной территории, – я старался говорить спокойным голосом, чтобы Даша не чувствовала себя сильно виноватой, но обязательно прониклась ситуацией.

–Так точно, товарищ командир, – ответила она и отошла.

Бойцы, улыбаясь принялись дальше опустошать карманы убитых фашистов. Я считал, что поступаю правильно. Например, наручные часы. Наши бойцы могли только мечтать о таком полезном дивайсе. В Советском Союзе не каждый мог позволить себе носить наручные часы. А здесь бери и радуйся. Через десять минут мы двинулись дальше.

Июль 1941 год. Выписка из боевого журнала отряда «Вымпел».

18.07.1941г.

Отряд двигается в сторону Могилева. Минск оккупирован войсками противника. Свернули на Бобруйск, требуется разведать обстановку. Оперативная необходимость уничтожить коммуникации противника. Сегодня напали на колонну противника. Уничтожено 5 танков, 2 бронетранспортёра, 4 грузовых автомобиля. Колонна уничтожена (потери противника в живой силе 48, из них офицеров 2, унтер-офицеров 8, механиков танкистов 5).

19.07.1941г

Передвигались по дороге на Могилев. Маскировка переодевания в форму немецких солдат, позволяет двигаться открыто, что сокращает время передвижения. Возле села Ржище железнодорожный и автомобильный мосты через реку Птичь. Принято решение об уничтожении данных мостов, что затруднит поставку ресурсов армии Германии. Задание выполнено. Железнодорожный мост уничтожен. Автомобильный мост уничтожен. (потери противника в живой силе 128, из них офицеров 6, унтер-офицеров 18). Наши потери: легкораненых 4 человека, оказана медицинская помощь. Принято решение переместиться южнее, найти место для временного лагеря и дать отдых бойцам отряда.

Глава 2.

Конец июля 1941 год. 21-я армия Центрального фронта. Особый отдел.

Из протокола допроса рядового А.М. Лизгина, вышедшего из окружения:

Следователь: Вы говорите, что это была разорённая деревня, в 30 километрах от Литвяны?

Лизгин: так точно, гражданин следователь. Мы с сержантом Трушкиным спрятались в яме под досками, когда увидели, что в деревню въезжает фашистская колонна. Немцы выгрузились и пошли по деревне мародёрствовать. Вскоре в деревню въехал мотоцикл и грузовик. Там были солдаты СС. Офицер СС стал ругать немцев. Что говорили я не понял, немецким языком не владею. Потом эсэсовцы построили всех немцев в шеренгу. А офицер СС опять ругался, немецкий офицер пытался оправдываться.

Следователь: Ка вы поняли, что немецкий офицер оправдывается?

Лизгин: не знаю почему я так подумал. Но было видно, что немцы боятся офицера СС. До рядом с ним ходит ещё здоровый верзила, тоже эсэсовец, пулемёт держит как игрушку. А немцы точно боялись. Когда офицер СС подходил они сжимались и руки дрожали, нам было видно.

Следователь: что произошло дальше?

Лизгин: Офицер махнул рукой, и эсэсовцы расстреляли немцев из пулемёта и автоматов.

Следователь: сколько было эсэсовцев?

Лизгин: Офицер, который давал команды. Потом офицер баба. Простите женщина. Ещё четырнадцать разных эсэсовцев. Офицер СС дал какую-то команду, и они стали перегружать вещи и оружие в большой грузовик. Потом они собрали оружие. Потом солдаты СС стали собирать трофеи с убитых немцев. Потом офицер-баба СС, простите женщина, стала возмущаться и выговаривать офицеру СС.

Следователь: и что вам показалось странным?

Лизгин: Гражданин следователь, она говорила на чистом русском языке. Вот как мы с вами. А главное говорила, что недостойно звания советского человека, собирать вещи с убитых.

Следователь: так и сказала, что не достойно звания советского человека?

Лизгин: так и сказала. Вот мы и подумали, что возможно это переодетые, ненастоящие эсэсовцы.

Следователь: а что сказал офицер СС на возмущения женщины?

Лизгин: Он, улыбаясь спокойно ей пояснил «что с боя взято, то свято». Точно так, слово в слово.

Следователь: Вам не показалось, что это предатели? И что переоделись они в форму врага, чтобы спасти свою жизнь?

Лизгин: не знаю, гражданин следователь. Действовали они дружно и слаженно, это было заметно. Было их меньше раза в два. Однако немцев перебили. А предатели или нет? Ничего такого сказать не могу. Не знаю. К тому же они раздали кур и поросят жителям, которые ещё оставались в деревне. А ведь до этого немцы только забирали живность.

Из протокола допроса сержанта И.И. Трушкина вышедшего из окружения:

Следователь: Вы подтверждаете слова рядового Лизгина?

Трушкин: Подтверждаю. Всё так и было.

Следователь: Вы участник Финской компании и сейчас с первых дней войны. Как человек опытный, что можете сказать об этой группе эсэсовцев?

Трушкин: думаю, что они все военные и не простая пехота. Команды подают знаками.

Следователь: что значит знаками?

Трушкин: когда эсэсовцы немцев расстреляли. Их командир показал знаками руки, те, что сидели на мотоцикле трое, сразу поняли и разбежались по деревне. А ещё я обратил внимание, что офицер СС всё время осматривается вокруг и слушает, даже когда говорит с кем-то. Как хищник, у меня такое впечатление сложилось. Хотя они все лишние движений не делают, видно, что у них дисциплина строгая. Даже не закурил никто, хотя может они все некурящие. Мне довелось видеть наших ребят из ОСНАЗА, вот с ними бы я и сравнил этих переодетых. Уж очень похожи по своей серьёзности. Двигаются молча, между собой не разговаривают, а также знаками объясняются, будто глухонемые.

Следователь: значит, вы считаете, что это специально подготовленный отряд?

Трушкин: Вне всякого сомнения. Я не знаю, как объяснить, но это чувствуется. Хотя есть среди них менее опытные бойцы. А главное не помятые они, чистые. Все побритые и подстриженные. Как будто только на войну вышли. Вот это меня удивило.

Из докладной следователя лейтенанта госбезопасности Топоркова А.А.:

«При допросе военнослужащих, вышедших из окружения, появилась информация об отряде, действующем в тылу немецкой армии. Принадлежность отряда неизвестна. Бойцы отряда владеют немецким и русским языком. Отряд хорошо экипирован. По непонятным причинам занимается ликвидацией солдат и офицеров немецкой армии. В особом отделе Центрального фронта данных о таком отряде нет. Со своей стороны считаю, что данную информацию следует взять на заметку. А группы выполняющие задания разведки предупреждать о возможности появления такого отряда. Следует собирать информацию для выяснения принадлежности отряда к Красной Армии или к Гитлеровской Германии...».

Июль 1941 год. Оккупированная территория СССР. Отряд «Вымпел».

Возле села Ржище мы взорвали два моста железнодорожный и автомобильный. Поначалу шло всё хорошо, использовали маскарад эсэсовцев. Но что-то не понравилось лейтенанту, который заговорил с рядовым Лыковым. Лыков пробовал отговориться короткой фразой, немец выхватил оружие и завертелось. На нашу удачу наш богатырь Тимофей Силаев держал на прицеле основную группу охраны своего крупнокалиберного пулемёта. Немцев перебили. Бойцы неплохо усвоили уроки стрелять и двигаться, в том числе в перекатах и движении. Тем не менее ранили четверых. Ранения не опасные, лёгкие, но, если вовремя не оказать помощь могут быть непредсказуемые последствия. Начнётся заражение и всё, человека можно списать и антибиотиков нет. То ли не изобрели пока что, то ли не начаты промышленные изготовления лекарства. Точной информации у меня не было, как и самих антибиотиков. Приказал Бубновой и раненым отойти от моста и ждать в укрытии, там она их и перевяжет, более внимательно осмотрев раны. С остальными принялся за минирование. Провозились дольше чем нужно. Не удивительно, ребят надо учить. Сделав подрыв обоих мостов, допросили оставшегося в живых немца. Выяснилось, что фронт не так уж далеко. И днём в этом месте интенсивное движение, а сейчас раннее утро. Немцы здесь двигаются чаще в дневное время. Дарья доложила, что ранения неопасные. Но надо бы сделать привал, чтобы она смогла зашить раны. Шёлковая нитка у неё была припасена. Свернули на второстепенную дорогу, на село Горлец. Село объехали лесной дорогой. Через три часа сделали привал, и наша комсомолка обработала раны. Лыкова ранили в бок, Рыбина и Чагина в предплечье, Курочкин получил неопасную рану в бедро. Я принял решение найти село в какой-нибудь «дыре» там отлежаться и подумать.

На реке Ореса нашли неплохое место, домик лесника. Это в тридцати километрах западнее Села Синегово. Здесь полно всяких мелких речушек. Форму немцев сняли, переодевшись в нашу, которая была чистая и починена. Используя мелко ячеистую сеть, изъятую у местных рыбаков, стал учить бойцов делать маскировочные костюмы типа «леший»¹. Сеть мы не отобрали, так как рыбаков не было. Здесь и решили отдохнуть. Распределил дежурство на «фишке»², об осторожности забывать не стоит. А мне надо было подумать. Тактика приходит в наглую к немцам, в мундирах СС, могла обойтись нам дороже. Потерял я хватку. В

моей прошлой жизни давно не работал «нелегалом», вот и расслабился. Здесь у нас пока что нет поддержки государства. Отправил старшину и разведчиков осмотреть местность, заодно разведуют, где есть немцы и как далеко фронт. Старшина вернулся через сутки. Я особо не беспокоился, мы так и договорились. Дал ему время на выяснение обстановки до двух суток. По дороге разведчики потрясли немецкого интенданта, при нём была карта. Которую мы с Быковым рассматривали, разложив на столе. С каждым днём знание немецкого языка у бойцов отряда улучшалось.

– Немцы здесь рядом совсем. В посёлок Любань немцы организовали гетто. Евреев там постреляли прилично. Гарнизон небольшой в пределах роты. Фронт уже у Бобруйска, отсюда километров сто, если по прямой, то меньше. Партизанского движения не наблюдается, так что немчура себя чувствует победителями, не беспокоятся. Сейчас немцев беспокоит другое. Бобруйск заняли ещё в конце июня, а сейчас наши начали наступление. Может остановят немца? Нам сейчас лучше отойти или затаиться. Думаю, пересидим здесь с недельку, чтобы ребята с ранами немного в себя пришли, – докладывал старшина.

Я согласился с Быковым, точнее с облегчением принял его предложение. Бойцов надо было обучать. По сути, у моста мы завалились на пустыке, плохом знании языка врага. Войну я не выиграю, если начну лезть в каждую дырку, как затычка. Я на самом деле не верил, что один человек может повлиять на ход истории. А ещё я знал, что из наступления наших под Бобруйском ничего не получится. Расколотят немцы Красную армию и пойдут дальше, к Москве. Но настроение в войсках Вермахта стоит использовать. Мне был нужен план.

Нам не хватало разведывательных данных. Оставив в домике рыбака раненых и Бубнову с Волковым, я в составе десяти человек выдвинулся на восток. Из техники мы взяли грузовик и мотоцикл. Бронетранспортёр замаскировали в лесу. Бубновой и Волкову дал приказ, выходить на оживлённые коммуникации и стрелять в мотор автомобилей, проходящих колонн. Задача была несложная, тем более выстрел с глушителем. Цель не сложная, выводить из строя технику, а если появится возможность убивать офицеров Вермахта. Строго настроено приказал в бои не ввязываться. Сделали выстрел, может два и сразу отошли. Для Волкова была задача натаскать Бубнову в снайперской стрельбе и скрытному перемещению в тылу врага.

Июль 1941 год Оккупированная территория СССР. Маскарад.

Мой план был прост начать громить штабы Вермахта, используя маскарад эсэсовцев. Въехав в Бобруйск, мы узнали, что здесь находится штаб 10-ой моторизованной дивизии Вермахта. Контрнаступление Красной Армии внесло некоторую нервность в настроение солдат Рейха. Наше появление оказалось, как нельзя кстати. Никто не удивился тому, что появилась команда Гестапо. Штаб расположился в одном из зданий, бывших райкомов КПССЗ. Я решил действовать дерзко, махнув удостоверением на входе в здание штаба, тут же начал разнос немецких офицеров. Попав в кабинет командующего дивизией, встретил меня генерал-лейтенант Конрад фон Кохенхаузен. Это офицер выше среднего роста, склонный к полноте. Круглое лицо и проявляющийся второй подбородок, хотя толстым его было не назвать. Сверкнув своими документами, я потребовал объяснения от командующего. Разговор ведётся на немецком языке.

– Объясните мне, генерал, почему вы допустили контратаку русских. Расслабились? Или быть может вы устали и вас пора заменить? – я старался не стоять на месте, а всё время перемещался по кабинету.

Сходство моё и Фишера было, но чем чёрт не шутит. Вдруг этот генерал знал лично Фишера.

– Послушайте, штурмбаннфюрер, кто вам дал право врываться ко мне и кидать такие обвинения? – генерал был ошеломлён моим появлением.

Из его обращения я понял, что генерал и мой протеже не встречались. Генерал попробовал взять трубку пытаясь куда-то позвонить. Я резко прервал его попытку, вырвав у него телефонную трубку.

– Мне даны полномочия навести порядок и выяснить. Может здесь присутствует предательство Фюрера? Вы думаете спрятаться за спину Гудериана? Я вас разочарую. Мне дано личное распоряжение Рейхсфюрером СС Гиммлером и полномочия от Рейнхарда Гейдриха. Я прибыл сюда разобраться, почему наши генералы проваливают план Генерального штаба, который утвердил сам Адольф Гитлер. Если потребуется я и на Гудериана надену наручники. Сдайте оружие, генерал, вы задержаны.

Это был тонкий момент, офицеры штаба могли запросто встать на сторону своего командующего и тогда начнётся стрельба. А мне этого не надо. Генерала нужно было везти с комфортом, я приказал взять шикарный автомобиль «Хорьх» с открытым верхом. Кроме всего прочего машина была внедорожником, имела три ряда сидений и колёсная база бхб. То, что доктор прописал. Мои ребята увели растерянного генерала, я же приступил к обыску в его кабинете. Сложили оперативные карты в портфель. Выгнав всех из кабинета, я дал команду заминировать кабинет генерала. Установили взрывчатку и поставили на растяжку «Ф-1»4, что должно сработать как взрыватель. Из кабинета генерала двинулись в комнату шифровальщиков. Взял под арест лейтенанта и унтер-офицера. На скорую руку собрали документы, оставив такой же заряд, как и генеральском кабинете. На всё про всё у нас ушло сорок минут. Усевшись в машины, мы тронулись в сторону аэродрома. «Хорьх» вёл водитель генерала. Мы расположились в машине генерала. Водитель генеральский унтер-офицер, рядом с ним сел старшина, второй ряд сидений заняли лейтенант и унтер-офицер связи, в третьем ряду сел я, генерал и Федя Титов. Так мы и поехали. Впереди мотоцикл, за ним легковая машина, замыкал колонну грузовик. Чтобы генерал не дёргался, я заявил ему, что он вылетает в Берлин. Пусть там объясняется перед руководством Вермахта.

Пока ехали по городу я всё ломал голову. И что мне делать с этим генералом? По-хорошему надо его к нашим переправлять. Но как это сделать? Мысль крутилась, а я пытался оформить её в решение. Самолёт? Хороший вариант. А кто будет управлять? Я сам? Нужен пилот. Как только выехали за черту города, проехав последний блокпост5. Я велел свернуть в разрушенный пригородный посёлок. Присмотрев нужные развалины, увёл туда водителя, приставив к его голове пистолет спросил, где находится временный лагерь военнопленных. Водитель, напуганный до полусмерти, обещал показать дорогу. Такой лагерь был в трёх километрах и почти по пути к аэродрому. Мысль сформировалась в моей голове. Поискать в лагере лётчика и отправить его с генералом за линию фронта. Лагерь был небольшой на триста военнопленных, и лётчики там были, даже два. Приказав коменданту привести мне пленных, заявил, что забираю их в связи с оперативной необходимостью. Комендант не возражал, даже был рад, лишь бы гестаповцы побыстрее свалили. А вот расписку он с меня взял. Я отказываться не стал, написал, что пленных забрали по распоряжению Рейндхарда Гейдриха. Забрав пленных, мы двинулись к аэродрому. Это был небольшой аэродром, выполняющий функцию площадки подскока. И самолёты на нём были, но готовым к полёту только один разведывательный самолёт, трёхместный «Шторьх». Отличный самолётик. Может лететь со скоростью в 150 километров в час. На такой скорости его сбить очень сложно. Истребитель, просто прицелиться не успевает, скорость не позволяет. Я посмотрел на часы, время близилось к вечеру. Генерала посадили в самолёт со скованными руками. Следовало решить кого из связистов забрать, а кого оставить. Решил, что всё же пусть везут лейтенанта. Забрав его документы, загрузили в самолёт. Чтобы обслуга аэродрома нам не мешала всех загнали в домик и там встали на охрану три наших бойца. Я отвёл пленных к хвосту самолёта, теперь следовало обрадовать их таким важным поручением. Заговорил с ними на русском.

– Как чувствуете себя, братишки? – задал я ошеломляющий для них вопрос.

Они оба уставились на меня, ничего не понимая. Смотрели так, будто с ними заговорил не офицер СС, а стол или скамейка.

– Что, товарищи лётчики, языки проглотили? – вопрос задал спокойным тоном.

– Ты наш что ли? – наконец то вымолвил один из них.

– Конечно. Это всего лишь маскарад. Представьтесь, товарищи лётчики, – предложил я им.

– Лейтенант Горелов, сбит три недели назад, – отрапортовал один.

– Старший лейтенант Седых, сбит неделю назад, – доложил второй.

– Разберётесь с управлением этого аппарата?

– Да, конечно, разберёмся, – хором ответили они.

– Тогда слушайте приказ. Доставить пленного генерала и офицера связи за линию фронта к командованию Красной Армии. Я дам вам оружие, держите под контролем пленных, смотрите сами их не пристрелите. Кроме этого, с вами отправляем карты и важные документы 10-ой моторизованной дивизии. Приказ вы получили от командира отряда специального назначения «Вымпел».

– А кто командир, товарищ? – спросил Седых.

– А это тебе знать не положено. Неизвестно долетите вы или нет, а вопросы задаёшь неправильные. В случае если вас собьют, пленных и документы уничтожить, – ответил ему и посмотрел пронзительно, как я умею.

Получилось очень хорошо. Аэродром охраняли взвод охраны, да были там ещё три лётчика и два техника. Всех пустили в расход. С собой мы забрали только связиста, планируя в дальнейшем допросить подробней о ситуации на фронте. Почему мы поголовно убивали пленных немцев? Ну во-первых, нам их девать некуда. Во-вторых, чтобы поставить солдата в строй надо дать винтовку, научить стрелять и в окопы. А вот чтобы выучить специалиста – это очень непросто. Уже через час мы пылили по дороге в сторону рыбацкого домика. Меня радовал автомобиль генерала, хорошая техника. А ещё радовался тому, что во всей этой кутерьме никто из моих бойцов не пострадал. Кроме этого, я сохранил жизнь генералу Конраду фон Кохенхаузену. Попав в плен, он доживёт до победы и вернётся в Германию после плена. В моей истории он покончил жизнь самоубийством в декабре 1941 года. Но я этого не знал, да и не думал о нём, кроме того, чтобы его вовремя доставили Советскому командованию.

Конец июля 1941 год. Расположение 21-ой армии, Западный фронт.

Управлял самолётом старший лейтенант Иван Петрович Седых. До линии фронта долетели без приключений. «Хорьх» с полным баком имеет дальность полёта 380 километров. Пленные поначалу подёргались, но потом скисли. Весь полёт лейтенант Сергей Константинович Горелов держал их на прицеле. За линией фронта садились в расположении 519-го стрелкового полка. Солдаты были просто обрадованы, что к ним приземлился немецкий самолёт. Лётчикам даже поддали хорошенько, но потом сдали особистам. Были, конечно, допросы. Военные лётчики и не скрывали, что были в плену. Но что с ними делать особисты стрелкового полка решать не стали, а отправили дальше. Новость быстро долетела до Командующего армией, генерал-полковника Фёдора Исидоровича Кузнецова. От него поступил приказ, немедленно доставить пленных немцев в штаб армии вместе с документами и лётчиками, которые доставили генерала Вермахта.

Для лётчиков, вырванных из лап плена, начались непростые дни. Допросы продолжались и днём, и ночью. Вопросы повторялись следователем десятки раз. Оба лётчика откровенно думали, что ждёт их лагерь на Колыме в лучшем случае, ну а в худшем просто прислонят к стенке. Вопрос решил сам командующий армией.

– Да за такое героя надо давать. Генерала в плен доставили, да ещё и самолёт утянули. Одно слово молодцы, – шумел Командующий армией.

– Разобраться надо, товарищ командующий, – возражал майор госбезопасности Михеев, который командовал Особым отделом.

– Анатолий Николаевич, я всё прекрасно понимаю. Только у меня к тебе просьба, проследи. А то знаю я твоих следователей, замордуют лётчиков. А нам сейчас летуны нужны на фронте. Понизить в звании и в строй. Пусть в бою искупают свою вину, – нажимал на своего особиста Кузнецов.

Данные допроса генерал-лейтенанта Конрад фон Кохенхаузена были как нельзя кстати. Это позволило более эффективно контратаковать немцев. Тем не менее хоть Бобруйск и не взяли, фронт остановили. Что дало передышку Красной Армии, возможности перегруппироваться и вывести часть войск не позволив попасть им в окружение.

Выписка из допроса старшего лейтенанта И.П. Седых:

Следователь: как вы попали в плен?

Седых: сбили меня. Самолёт загорелся, я выпрыгнул с парашютом. К этому времени бой вёлся над территорией немцев. До леса далеко, меня заметили ещё в воздухе. Так что шансов у меня не было.

Следователь: расскажите, что было когда вас забрали из плена?

Седых: Мы находились во временном лагере, под Бобруйском. Приехали эсэсовцы, затребовали у коменданта лагеря лётчиков. Кроме меня и Горелова больше никого не было. Вот нас и забрали. Погрузили в грузовик и под охраной повезли на аэродром. Я сначала думал будут тренировать молодых лётчиков из своих.

Следователь: что значит тренировать?

Седых: ходили слухи, что садят в наш самолёт, дают топлива минимум, без патронов. И запускают на молодых лётчиков, а те уже сбивают. Для себя я решил если что, пойду на таран.

Следователь: продолжайте, что было дальше после того, как вас повезли на аэродром?

Седых: приехали. Эсэсовцы всю охрану аэродрома загнали в домик и поставили своих часовых. Офицер СС на всех ругается по-своему, по-немецки. И видно, что его боятся. Даже генерал в легковой машине сидел бледный. Я несколько слов разобрал, в том числе «Гестапо». Когда загрузили генерала и лейтенанта в самолёт. Офицер СС отозвал нас в сторону и по-русски нам говорит, что мол так и так приказ доставить пленных к нашему командованию. «Братишками» нас назвал.

Следователь: чей был приказ?

Седых: приказ командира отряда специального назначения «Вымпел».

Следователь: имя командира назвал?

Седых: нет. Вопросы говорит задаешь неправильные. И посмотрел так, будто в душу заглянул, аж «холодок» по спине прошёл.

Следователь: вы ничего не напутали с названием отряда? Может это были партизаны?

Седых: не думаю, что партизаны. Уж больно у них всё по дисциплине делается. По именам никого не называли ни разу. Команды в основном этот офицер жестами отдаёт. Или посмотрит на своего бойца, а тот уже исполнять бежит. С названием ничего не напутал. Так и было сказано отряд специального назначения «Вымпел».

Следователь: есть какие-нибудь особые приметы этого офицера СС?

Седых: вроде нет ничего такого. Волосы русые, глаза серо-голубые. Разве что взгляд. Взгляд у него бывалого вояки. А ещё по сторонам всё время осматривается, как будто то насто- роже. А форма на нём, как с иголочки сидит, чисто выбрит и подстрижен, одеколоном от него пахнет. Ну вылитый немец. Мы сначала и не поверили, что он нам говорит. А он оружие в руки дал и в самолёт отправил. На карте показал куда лететь.

Выписка из допроса лейтенанта С.К. Горелова:

Следователь: вы подтверждаете показания старшего лейтенанта Седых?

Горелов: да, подтверждаю. Всё так и было.

Следователь: что-то можете добавить к показаниям?

Горелов: они прямо у самолёта двух унтеров немецких пристрелили. Это я уже из самолёта видел. А потом взлетали мы на запад и разворачивались. Картина аэродрома с моей стороны. Эти эсэсовцы всю охрану аэродрома расстреливали, а потом добивали. Видимо, чтобы живых не осталось. В это же время начали поджигать здания и самолёты.

Выписка из протокола допроса пленного генерал-лейтенанта Вермахта Конрад фон Кохенхаузена:

(перевод с немецкого):

Следователь: почему вы подчинились требованиям офицера СС?

Пленный: он был крайне убедителен. Я считал его распоряжения идут из Берлина от Гейдриха. Потом его акцент, чисто берлинский. И выглядит так, будто только что прилетел из Берлина. Обладает психологическим подавлением. И глаза, у него глаза палача. Такое впечатление, что он уже решил, жить тебе или умереть. Такой взгляд часто встретишь у сотрудников Гестапо.

Следователь: когда вы поняли, что происходит что-то не то?

Пленный: в самолёте. Когда увидел, что за штурвал сели русские лётчики из пленных. И увидел, как этот мнимый офицер застрелил моего водителя и унтер-офицера связи.

Следователь: что можете сказать об этом офицере СС?

Пленный: Даже не знаю. Я сомневаюсь, что это предательство в службе Гейдриха. Думаю, это ваш разведчик. Причём разведчик высшей категории. Наглый и дерзкий. Вокруг десятки тысяч солдат Рейха, а он ведёт себя уверенно и спокойно. А ведь с ним были всего десяток солдат. Как военный я восхищаюсь дерзостью этого человека. Ни одного лишнего движения, грубости не позволяет, но психологическим подавлением обладает.

В штабе 21-ой армии, в кабинете командующего.

– Хм, значит, Михаил Николаевич, говоришь отряд «Вымпел»? – заинтересовано спросил Кузнецов.

– Так точно, товарищ Командующий. Я в Москву лечу, пленных буду сопровождать. Там попробую выяснить, что за отряд такой. Сам я про таких не слышал, – добавил Михеев.

В этот же день майор госбезопасности Михеев вылетел в Москву, сопровождая пленного генерала и лейтенанта связи 10-ой моторизованной дивизии Вермахта.

Конец июля 1941 год. Москва. Кремль.

Михеев сдал пленных на Лубянке, где в течении суток провели дополнительный допрос. Народный комиссар внутренних дел СССР изучив все протоколы допроса доложил Сталину, который назначил ему встречу только на следующий день, а все документы велел доставить незамедлительно. У Председателя обороны СССР Иосифа Виссарионовича Сталина, была привычка приглашать подчинённых работать по вечерам. Достаточно часто он приглашал в Кремль именно в вечернее время. Накануне Сталину доставили документы по пленному генерал-лейтенанту Конрад фон Кохенхаузену. Случай был прецедентным. Тем более в первый месяц, когда советские войска то и дело попадают в окружение. Бодрость и настрой масс требовалось поднимать. А как? А здесь такой случай. «За такое звезду героя надо давать» подумал Сталин. Он внимательно изучил все протоколы допроса и у него возникли вопросы к определённым людям. В этот вечер были вызваны нарком внутренних дел Л.П. Берия, нарком обороны С.К. Тимошенко, начальник Генерального Штаба РККА Г.К. Жукова. Был приглашён член ставки Верховного Главнокомандования Б.Н. Шапошников. Сначала Сталин хотел пригласить и Мехлиса, но потом передумал. По прибытию вызванных товарищей, Сталин пригласил их присесть за столом. А сам взяв трубку в руки стал прохаживаться по кабинету. При таких перемещениях Сталина, говоривший вынужден был выкручивать голову, а Сталин наблюдал с некоторым интересом за такими действиями. Сам Сталин не был военным стратегом, но у него была замечательная черта, он никогда не торопился с решением, пока не изучит вопрос

досконально и не послушает мнение сведущих товарищей. Для Шапошникова и Жукова приготовили копии и сейчас они читали подробности пленения немецкого Генерала. Когда они прочли документы Сталин вернулся к своему месту, присев принялся набивать трубку табаком. Остальные терпеливо ждали, что скажет Сталин.

– Я изучил документы, в связи с этим, у меня возник ряд вопросов. Но прежде я хочу услышать ваше мнение, товарищи. Начнём с вас, товарищ Жуков, – Сталин прикурнул трубку и посмотрел на Жукова.

Жуков встал, но Сталин взмахом руки велел ему сидеть.

– Проведённая операция, взятия в плен генерала Вермахта, выполнена блестяще. Исполнители достойны самой высокой награды. Но, к сожалению, Генеральному Штабу ничего об этом неизвестно. И сейчас необходимо срочно внести корректировку в наши планы. Контратакующие действия наших войск уже начались. Однако зная планы противника мы сможем избежать непредвиденных ошибок.

Сталин кивнул и посмотрел на Шапошникова.

– А что скажет, товарищ Шапошников?

– Мне ничего неизвестно, о такой операции. Также об отряде специального назначения «Вымпел» я впервые слышу. Но на мой взгляд операция проводилась спонтанно. Присутствовал высокий риск по доставке пленного генерала в расположение наших войск. Оказали доверие пленным. А если бы они оказались предателями? Или, например это какая-то игра Абвера? У меня также нет никаких данных об отряде «Вымпел», – Шапошников замолчал, не зная, что сказать ещё.

– Может, товарищ Берия, нам прояснит обстановку? – Сталин, прищурившись посмотрел на наркома НКВД.

– Я ещё вчера проверил, товарищ Сталин. По Центральному Управлению такой отряд не числится, иначе я бы знал. С началом войны многие документы были уничтожены, чтобы данные на наших сотрудников не попали к врагу на оккупированной территории. Могу предположить, что это организованный партизанский отряд. Будем выяснять, – Берия заметно волновался.

Сталин отпустил Шапошникова и Жукова, велел им взять копии планов Вермахта и приготовить свои планы противодействия немецкой армии. Когда Шапошников и Жуков вышли, Сталин повернулся к всесильному наркому.

– Лаврентий, найди мне этих людей и выясни кто они такие, в кратчайшие сроки.

Когда Берия вышел из кабинета Сталина, по его спине протекали струйки пота. Он выдохнул и направился на Лубянку, предварительно позвонив из Кремля. Берия вызвал к себе Судоплатова и Меркулова. Такие поручения Сталина требовалось выполнять незамедлительно.

Июль 1941 год. Южная Белоруссия. Отряд «Вымпел».

Мы возвращались к рыбацкому домику. Я не считал немцев тупицами, а потому предполагал, что нас в скором времени начнут искать. А значит группа эсэсовцев, арестовавших генерала, должна на время исчезнуть в этом районе. В прошлой жизни мне доводилось читать книги о Великой войне. И я знал, что «охотничьи команды» противодействия партизанам, немцы начнут создавать только осенью 1941 года. Сейчас у них эйфория от побед в Европе и в скором продвижении вглубь Советского Союза. Тем не менее нами займутся, как минимум военная полиция. Дислокацию отряда надо менять и менять личину диверсионного отряда. Вернувшись на место, узнал, что Дарья Бубнова и Анисим Волков интенсивно занимались стрельбой по немецким колоннам. Выслушав их доклад, порадовался за обоих. Они, устраиваясь в засаде, делали выстрелы в двигатели автомобилей, что приводило к поломке техники. На первый взгляд это кажется пустячным занятием, но на самом деле это не так. В условиях интенсивных боёв на фронте своевременная доставка грузов необходима. А если, например,

не доставили вовремя боеприпасы, начинает ломаться весь «орднунг» немцев, к которому они так привыкли. Кроме этого, за время, что нас не было, наши снайперы уничтожили пятнадцать офицеров и унтер-офицеров. Что наверняка нервирует солдат вермахта, служащих в снабжении армии. Они не солдаты с передовой, у снабженцев совсем другая психика. А ещё мне понравилось, как ребята сделали маскировочные костюмы «леший». Творчески постаралась именно Даша. У нас была маскировочная сеть, которую получали ещё на складах. Дарья не поленилась применить её на наших костюмах. Бойцы отряда вообще были удивлены, когда я их учил делать такую одежду для маскировки. А делается, по сути, просто. Берёшь обыкновенную рыбачью сеть, с ячейкой не больше двух сантиметров. Шьёшь из неё длиннополую куртку. Для ног шьётся, что-то вроде гольфов, только без следа и на голову, обшиваешь обыкновенную солдатскую пилотку. К ячейкам начинаешь крепить куски мочала. Да-да, самое обыкновенное мочало, которое используется в бане. Такие даже в моё время были не дефицит, а сейчас этим пользуются повсеместно. Кроме мочала берётся мелкая сеточка, режется на кусочки, а главное закрывать лицо. Можно даже вплетать траву от сухого сена или тонких веточек. Материал красится в зелёный или бледно-зелёный цвет. Краситель тоже несложно достать, берутся растения и всё это вываривается. А вот Даша умудрилась настричь листиков и прочих элементов маскировочной сетки. Получились отличные костюмы «леший», их ещё иногда называют «кики-мора». Последнее слово даже вызвало смех у моих бойцов, а Дарья чуть было не обиделась. Пришлось объявить ей благодарность перед строем за сообразительность.

Прибыв на место, мы переоделись в армейские мундиры Вермахта, теперь изображаем снабженцев, которые закупают продукты у населения. У меня сохранился зольдбух лейтенанта из такой службы. За сутки мы собрались и двинулись на юг. Через два дня пересекли реку Припять, в районе села Лясковичи. Зная, что под Киевом идут бои, мы сместились западнее. Здесь был достаточно крупный лесной массив, в котором можно найти базу для отдыха. Нашли деревню Букча. В этом месте немцы даже ещё не побывали. Местные жители знали, что идёт война, но к ним пока никто не приезжал. Мы себя объявили партизанским отрядом. Нам никто не возражал. Да и некому было возражать, в деревне одни бабы, дети и старики. Чему несказанно обрадовались мои бойцы. Селянки разобрали бойцов на постой. В благодарность наши ребята помогали местным по хозяйству. Кому крышу починить, кому забор поправить. Ну а ночью, тут уж, как и кто договориться. Тем не менее тренировки я не ослабевал. Принцип простой не воюем, значит тренируемся. Язык Моцарта и Гёте осваивали, у некоторых бойцов получалось говорить достаточно быстро.

Дав бойцам трёхдневный отдых, сам я, однако, выезжал на легковом автомобиле, для разведки местности. Брал с собой четырёх бойцов чередуя их. А вот Даша ездила со мной постоянно. Её комсомольская совесть не позволяла прохлаждаться, когда вся страна воюет. Во время тренировок по рукопашному бою, точнее после. Ко мне подсел старшина Быков.

– Товарищ лейтенант, всё никак не пойму откуда вы столько знаете специальных приёмов. В училище научили? Только вот вы не стали заниматься с бойцами, когда прибыли на заставу. Простите меня, но понять хочу причину.

Вот же какой старшина подозрительный, а может просто понять меня хочет.

– Мироныч, дело в том, что сразу не мог я показывать, что изобретаю свою систему рукопашного боя. Смолоду я захотел придумать что-то такое чисто для военных. Стал читать и изучать различные приёмы, до которых смог дотянуться. Даже изучал прихватки казаков, были у них такие молодцы, пластунами назывались. Вот я и выбирал самое эффективное. Уже будучи в училище, бегал по ночам в самоволку. Только не к бабам, а в тёмные переулки. Искал бандитов и хулиганов, на них и отрабатывал свою систему. Сам подумай, что было бы, если бы молодой лейтенант стал свои порядки на заставе наводить?

– Хм, взгрел бы вас командир отряда. Как есть взгрел бы, – немного подумав ответил Быков.

Я не думал, что старшина мне не доверяет, но однажды придётся рассказать ему всю правду о себе. Что касается Дарьи Бубновой, то это очень интересная девушка. Идеология социализма в ней крепко сидит. Ей бы замполитом быть, но мне беседы с Дашей даже импортировали. Интересное поколение. Дарья порой с горячностью доказывала мне, что коммунизм не за горами, хотя я-то точно знал, что ждёт Советский Союз в будущем. Тем не менее она свято верила в то, что коммунизм обязательно построят, вот только войну надо выиграть. Наша разведка дала свои результаты. Ровно, Острог, Кременец, Львов уже почти месяц, как были под немцами. А вот в Коростенском укрепленном районе до сих пор шли бои. Именно туда я и планировал сделать визит, только под личиной диверсантов Красной Армии. Расстояние небольшое примерно километров сто двадцать. За три или четыре часа доберёмся спокойно. Уточнить мне удалось на третий день. Войска Вермахта уже находились на линии Гулянка, Ущица, Бондарёвка. Попутно заезжая в оккупированные сёла, выяснял настроение людей, присутствие полицаяев, а заодно договаривался на закупку продуктов для армии Вермахта. А что вы хотите? Легенду тоже надо отрабатывать. Вот на таком временном складе мы раздобыли бензин, и я там познакомился с одним интендантом. Хороший окорок, приобретённый по случаю, сыграл решающую роль. Интендант мне посоветовал, что, если мне что-то надо со склада, должен успевать пока не взяли Коростень. Потом склады перенесут. А вот куда, он пока не знает. Здесь же я узнал, что возле деревни Остапы расположился дивизион немцев 150-ти миллиметровых пушек Вермахта. А это не много не мало три батареи по четыре орудия. Представляете снаряд такого калибра? Скажу вам честно, я не представлял пока не попал в это время. Вот такими «чемоданами» немцы забрасывают позиции наших. И я для себя принял решение нанести визит вежливости на эти батареи.

Предупредив «ходовиков» по бабам, что ночью выезжаем, провёл собрание отряда. Для чего собрал людей? В прошлой жизни в спецназе принято выслушивать мнение всех бойцов группы. Но решение всегда принимает командир. Я считал полезным послушать людей, вдруг кто-то психологически не готов. Мне такой боец не нужен. Штатного психолога у меня нет. А вот мысль проводить политические беседы появилась. И я уже несколько дней назад поручил такое важное занятие нашей яростной комсомолке. Как появится рация, сможем обстановку на фронтах узнавать, вот тогда я и подскажу нашей диве, как правильно мотивировать бойцов. Подумав о рации, грустно вздохнул. Как не хватает связи, к которой привык во времена прошлой службы. О приборах ночного видения тоже вспоминаю с тоской. Но как говорят «нет гербовой пишем на простой». Собрал людей озвучил боевую задачу. Все, собственно, рвутся в бой, что меня порадовало в душе. Неплохие ребята попались. А то я уже стал подумывать, чтобы увеличить численность отряда. Вот немного подучу этих орлов, потом обязательно займусь пополнением.

До деревни Остапы не доехали пятнадцать километров. В этот рейд мы взяли мотоцикл и броню. Переоделись в форму советских солдат и маскировочные костюмы. Выглядели, конечно, занятно. Шестнадцать леших или кикимор, кому как нравится. Шли по лесу не спеша, я учил ребят правильно ходить, заодно отрабатывали условные сигналы. Время от времени пускались в пробежку. Хотя Волков мог бы ещё и меня поучить передвигаться по лесу. К обеду преодолели расстояние в двенадцать километров. Отсюда пошли осторожней, разведчики чуть впереди, остальные по лесу веером разошлись. Вдруг Арсений Волков остановился, подняв руку, сжатую в кулак, вверх. Все присели. Я медленно приблизился к Арсению.

– Впереди кто-то есть. Я треск слышал. Здесь прошли люди, запах пота чувствую и вот следы, – он указал на сломанную ветку.

Я показал группе затаится сигналами, а сам с разведчиками стал двигаться вперёд. Волков вёл нас. Он то и дело останавливался и слушал. Так черепашьям темпом мы приблизились к кромке леса. Арсений показал мне в каком направлении смотреть. Приглядевшись, я увидел двоих бойцов в камуфляжных халатах. Они вели наблюдение. Я знал за кем они сле-

дят. Впереди расположился артдивизион немцев. Скорей всего это наши. Я принял решение к захвату. Но прежде мы час наблюдали, есть ли кто рядом. Никого, не заметив дал команду своим. Взяли тихо. Разведчики посопели, конечно, но мои справились. Фактор неожиданности. Оставив Титова и Бобыкина наблюдать, сам решил отойти и поговорить с армейцами. Временные пленные были ошеломлены нашим видом. Представляю их мысли. Я присел перед одним и откинул сетку с лица.

– Надо поговорить без шума и пыли. Мы свои. Если кричать не будешь, вытащу кляп из рта, – начал я разговор.

Пленник согласно кивнул головой, и я освободил ему рот.

– Свои по лесу не ходят. Кто вы такие? – просипел он.

– В наше время, только свои по лесу и ходят. Мы отряд специального назначения «Вымпел». Работаем по тылам врага.

– Мы полковая разведка. Я, сержант Потапов.

– Я, командир отряда. Фамилию и звание не скажу. Извини, браток, секретность не позволяет. Вы чего тут трётесь? Нам мешаєте. По плану мы этот дивизион ликвидируем.

– Маскировка на вас странная. ОСНАЗ никак? – удивился сержант.

– Нет, не ОСНАЗ. Задачи шире, работаем в глубоком тылу врага, – напустил я тумана.

Дальше наш разговор постепенно налачился, парней мы развязали и вернули оружие. Договорились, что он приведёт командира, а мы наблюдать останемся. Встретиться решили на этом месте. Когда разведчики ушли, я послал Дроздова за остальной группой, велел им прибыть скрытно к нашему месту. Дав задание Титову и Бобыкину выйти на точку и вести наблюдение за артдивизионом, сам стал дожидаться своих людей. Мои бойцы пришли раньше разведчиков полковой разведки, это дало нам возможность рассредоточиться и встретить разведчиков. Показывая добрые намерения, я вышел на видное место, чтобы разведчики сразу меня обнаружили. Я, конечно, рисковал, но считал, что на разговор они выйдут. Что и произошло. Мы встретились и уединились с командиром разведчиков. Им оказался старший лейтенант Егор Бронин. Выяснилось, что разведчики из 193-ей стрелковой дивизии, точнее 320-ый разведывательный батальон. Не сказать, что разведчики мне сразу поверили, но мне от них ничего не надо, наоборот, я попросил не мешать.

– Эти суки, как по расписанию долбят по нашим позициям. Вот мы и получили задание выяснить расположение этого дивизиона тяжёлой артиллерии, мать их за ногу, – объяснял мне командир разведчиков.

– А как вы планировали уничтожить эти батареи? У тебя всего шесть человек, – заинтересовался я.

– Было восемь. Двое погибли при переходе. У нас рация есть. Выясним координаты и передадим командованию. Может бомбардировщиков пошлют, а скорей всего будем корректировать огонь. Из 393-го гаубичного артполка смогут достать. Снарядов у них немного, но думаю потратят на такое дело. С нами есть артиллерист. А вы здесь по каким делам? – старлей внимательно посмотрел на меня.

– У нас задачи более глобальные. Но этот дивизион входит в объекты, которые нам надо уничтожить. Так что здесь наши интересы совпали. Заодно сэкономим артиллеристам снаряды. В связи с этим у меня к тебе предложение, надо взять эти пушечки без помощи наших гаубиц.

– Как это? Каждая батарея минимум сто сорок личного состава, да они нас одними сапогами затопчут. Я воюю с начала войны и чётко понял, немец вояка серьёзный, – со вздохом проговорил Бронин.

– Твои успели сделать какие-либо наблюдения и выводы, мысли есть? – спросил я Егора.

– Да нет, мы прибыли только-только. Остановились на привал, я сержанта и ещё бойца послал осмотреться.

– Тогда давай так. Понаблюдаем до вечера вместе, а потом подумаем, как нам сделать так, чтобы немцев стало на две батареи меньше, – предложил я.

Сказано сделано. Вечером у нас появились более точные данные наблюдения. Батареи оказалось всего две. Расположились они на краю лесополосы, с воздуха их не обнаружить. Это были моторизованные артиллеристы. И немцев здесь действительно много. Три сотни рыл. Кроме восьми гаубиц по 150 мм, имелись две зенитные пушки «2,0 см Флак 38». Это мне объяснил Антон Аверин. Наши артиллеристы тоже участвовали в наблюдении. Зенитки были замаскированы по флангам батарей, но не на одной линии. Почему всего две зенитки? Точного ответа у меня не было. Отойдя от немецких батарей на пару километров, мы с старшим лейтенантом дали людям отдых, выставив часовых. Сами же присели обсудить предстоящую операцию. Я взял ветку и на очищенной земле стал рисовать схему расположения двух батарей Вермахта.

– Смотри, Егор. Это расположение гаубиц, здесь стоят зенитные пушки. Здесь расположены палатки с личным составом. Охрана с двухчасовой сменой часовых. Двое часовых возле расположения личного состава. Двое возле техники. Ещё по двое возле каждой батареи. Итого восемь часовых. Мы их снимем по-тихому, – начал я объяснять старшему лейтенанту наши действия.

– В ножи всех не взять. Сложно будет, – усомнился Бронин.

Я достал «вальтер» и ПБС, показал командиру разведчиков.

– У меня все бойцы такими вооружены. Плюс на автоматах стоят такие же глушители. Кроме этого, у меня два снайпера и тоже с ПБС. Так что сделаем часовых практически одновременно. Батарея освещается. Работает дизельный или бензиновый генератор. Шум от генератора заглушит шум падения тел.

Бронин заинтересовался ПБС.

– Я о таких слышал, но не пользовался, – с завистью проговорил он.

– Перед тобой «БраМит», выпускают у нас в Союзе. Только к нему нужен спец патрон, с уменьшенным зарядом пороха. Можно, конечно, самому перезаряжать патроны.

– Эх жаль нам таких в разведку не поставляют. Сколько бы пользы было. Командир, вы НКВД подчиняетесь? – вопрос Егора по сути не был неожиданным.

– Егор, оно тебе надо? Знать секреты иногда вредно для здоровья. Могу сказать только, что мой отряд предназначен для диверсий, а остальное для тебя лишняя информация. Тебе же лучше, от особистов меньше вопросов. Мы отвлеклись, давай продолжим. Я продвинулся к офицерской палатке, постараюсь взять языка живьём. Как только часовых ликвидируем, занимаем позицию у зениток, ставим на прямую наводку. Зенитками всех немцев сделаем «двухсотыми».

– Двухсотыми? – не понял Егор, а я мысленно ругнул себя.

– Мы так обозначаем убитых. «Двухсотые» значит убитые. «Трёхсотый» значит раненый, такой код придумали сами, – пришлось объяснить мне.

– А зенитками кто будет управлять? – задал вопрос Егор.

– У меня в отряде три артиллериста, он разберутся, только людей им в помощь надо дать. Кстати, лучше из твоих. Как только закончим с немцами надо быстро заминировать батареи и технику. Кстати, Егор, у тебя есть человек, который управится с управлением машины или лёгкого бронетранспортёра?

– Есть. Рядовой Семён Бахарев. Он до войны водителем работал, неплохо в технике разбирается.

– Отлично, чтобы вам быстрее свалить с пленным, возьмёте транспорт, остальное пожём. А теперь давай тоже на отдых, в час выдвигаемся.

Мы легли отдыхать. Но мне почему-то не спалось. Какая-то мысль зудела в голове. Я закрыл глаза и постарался расслабиться. И вдруг как обухом по голове, вспомнилась прошлая

жизнь. Ещё когда учился в училище, по истории проходили Великую Отечественную войну. И тогда один сокурсник давал мне почитать архивы и документальные книжки. Вот там я и вычитал, что в середине августа 1941 года Рейхсфюрер Гиммлер приезжал в Минск. А что если? Я даже привстал от буйной мысли. Попробовать взять Гиммлера в плен, если не получится его переправить к нашим, то просто грохну его и вся недолга. Я снова лёг и решил, что завтра обязательно это обдумаю. Даты из тех архивов я помнил и даже места помнил куда мотался Гиммлер. Вскоре я уснул, настроившись на операцию по уничтожению батарей Вермахта.

В час ночи мы выдвинулись к гаубичным батареям немцев. Генератор у немцев молотил так, что рядом с ним совсем все звуки терялись. Я подивился подготовленности немцев к войне, даже такую мелочь как освещение предусмотрели. Наш план начал действовать без сбоев. Волков и Бубнова сняли шестерых часовых. Двоих убрала группа моих артиллеристов и разведчики Бронина. Я с собой взял своих разведчиков. Бобыкина и Дроздова направил к машине связи, там мог запросто оказаться дежуривший связист, приказав Бобыкину брать связиста живым. Сам с Федей Титовым направился к офицерской палатке. Старшина должен был взять под контроль палатку с охраной. Очень реально там должна находиться бодрствующая смена часовых. Мы с Титовым забрались в палатку. Темно, но разглядеть походные кровати можно. Стрелять начали одновременно с Фёдором, но одного офицера я просто оглушил. Прислушался, услышал хлопки выстрелов, это видимо старшина резвиться, зачищая отдыхающую смену часовых. Подсвечивая фонариком, увидел на столе карты и документы, всё скидал в ранец, висевшей на гвозде подпирающей стойки палатки. Фёдор тем временем вязал пленного. Мы выбрались из палатки и направлись в сторону зениток. Предварительно по кругу пробежались, установив возле палаток растяжки с гранатами. Кроме спонтанного расчёта зениток, остальные заняли позицию перед палатками личного состава. И началась бойня. Скорострельность у зениток до 480 выстрелов в минуту. А пуля калибром двадцать миллиметров, разрывает всё на своём пути. Немцы забегали, уничтожение было страшным. Пули от зениток разрывали тела, выбегающих немцев. К общей какофонии добавлялись взрывы гранат на растяжках. Через три минуты всё было закончено.

Из уцелевшей, от зенитного огня, техники мы выбрали грузовик, в котором были бочки с бензином. Собрали боеприпасы к стрелковому оружию, гранаты, ящики с взрывчаткой и продукты, которые смогли найти. Взяли ранцевую радиостанцию, выпуск 40-го года «Телефонкин». У меня своего радиста не было, но скомпоновать помог радист Егора. Кроме всего прочего разжились формой и нижним бельём, мылом, зубным порошком и прочей мелочью. Егор Бронин торопился уходить, но я успокоил его, что до утра у нас время есть. Были для этого причины. По телефонной связи позвонили спросили, что за стрельба в расположении батарей. Я ответил, что показался самолёт вот и постреляли. На мою отговорку меня отругали на той стороне провода. В картах я нашёл значки расположения наших войск и немцев и предложил пошалить, прежде чем взорвём батарею. Тимофей Силаев уверил меня что с десятков выстрелов сделаем без проблем. Когда заминировали всё расположение артиллеристов Вермахта, постреляли из гаубиц. Правда сделали всего пять залпов, но зато сразу из четырёх орудий. Держите фашисты подарочек из «чемоданов» в 150 миллиметров. Группа Егора Бронина выбрала небольшой грузовик. Пришло время расставаться. Мы пожали друг другу руки. В душе я понимал, что возможно эти ребята погибнут или попадут в окружение.

– Так я и не понял, командир, к какому ведомству вы относитесь. Но выучка у вас знатная. Это я успел понять. Если бы все такие командиры были как ты, может мы бы ещё на границе немцам сопатку расколотили.

– Немец вояка серьёзный и относится надо к нему соответственно. Не получится шапками закидать, – ответил я, уклонившись от принадлежности к какому-либо ведомству.

– Как думаешь, командир, долго будем драпать от немчуры? – вдруг спросил Бронин.

– Я думаю, не дальше Москвы. Там Сталин выпишет «волшебного пендаля» нашим комкорам и комдивам. Вот тогда и погоним немца обратно в его логово. Дальше Москвы, для нас военных, земли нет. Ты главное выживи, Егор. А встретимся в Берлине, когда победу будем праздновать, а это тебе подарок. Только не забывай, что патроны должны быть с уменьшенной навеской пороха. Зато есть у каждого немца, всегда достанешь, – пожелал я Егору и подарил «вальтер» с глушителем.

Мы расстались с группой полковой разведки. В качестве пленных им достались оберлейтенант и унтер-офицер связист. Документы и карты мы тоже отдали. Может пригодится нашему командованию, и 193-я дивизия продержится дольше на Коростенском оборонном рубеже. А ещё я передал выписки из боевого журнала отряда и копию приказа о создании отряда «Вымпел», плотно запаковав пакет. Ну а наш путь лежал к Минску, я вспомнил дату и хотел туда попасть, к приезду рейхсфюрера Гимmlера.

Конец июля 1941 год. Особый отдел 193-ей дивизии.

Выписка из протокола допроса старшего лейтенанта Е.И. Бронина:

Следователь: значит вы утверждаете, что командир назвал отряд «Вымпелом»?

Бронин: так точно. Так и сказал отряд специального назначения «Вымпел». На мой вопрос к какому ведомству они относятся. Командир уклонился от ответа, сказал, что «знать секреты вредно для здоровья».

Следователь: может имя своё назвал? Или звание?

Бронин: Звания не назвал, как и имени, я обращался к нему просто «командир». А ещё у них боец снимал маскировочный костюм, а под ним петлицы пограничных войск. И тот боец сказал, что он с командиром с первых дней войны от самой границы.

Следователь: может бойцы отряда называли свои имена?

Бронин: нет. Уклонялись от вопросов. Они вообще не разговорчивые. Но своего командира уважают. Это заметно.

Следователь: какое у них вооружение? И что за маскировочные костюмы.

Бронин: костюмы необычные. Мочало висит, какие-то веточки, ниточки, тряпочки. Закрывает полностью, на лице сетка. Они такой костюм «леший» называли. А вот одного бойца «кикимора».

Следователь: почему так называли не говорили?

Бронин: это девушка снайпер. Вот они так её в шутку и зовут. Вооружение у них немецкое. Автоматы пистолеты и снайперские винтовки. На всём оружии глушители стоят. Только эти ПБС нашего производства «БраМит».

Следователь: что ещё необычного можете рассказать? Может что-то заметили в поведении бойцов отряда?

Бронин: подготовка у них серьёзная. Меня в училище учили, но у них даже рядовой боец лучше подготовлен чем я. Немецкий язык понимают. Говорят, не все хорошо. А командир этих бойцов просто отлично язык знает. Я это заметил, когда он пленного допрашивал. Минно-подрывное дело знают хорошо. Стрелковая подготовка на высоте. И двигаются как-то не так как мы. Я в училище видел специалистов из ОСНАЗА, ещё до войны. Вот те ребята также двигаются.

Следователь: не говорили куда они дальше двинуться?

Бронин: командир отряда сказал, что пора «тыловых крыс» погонять, чтобы им на нашей земле жизнь мёдом не казалась.

Следователь: были разговоры о связи с командованием Красной Армии?

Бронин: никак нет. А вот связиста у них нет. Наш связист им помогал рацию укомплектовать, которую они взяли на разгромленной батарее. Формы немецкой взяли. Мой боец Семён Бахарев спросил для чего. Ему ответили «пригодится». Думаю, они переодеваются в форму немецкой армии и так передвигаются по тылам.

Следователь: количество бойцов в отряде?

Бронин: я видел шестнадцать человек.

Следователь: вы знаете, что содержит пакет, переданный вам от командира «Вымпела»?

Бронин: никак нет. Он просил передать это в Особый отдел дивизии.

Следователь распечатал пакет и прочитал его, потом снял показания с остальных бойцов группы разведчиков и написал докладную.

Главное управление ГБ НКВД СССР наркому НКВД Л.П. Берия.

В связи приказом собирать информацию об отряде специального назначения «Вымпел», довожу до Вашего сведения. Такой отряд объявился в районе Коростенского оборонительного рубежа, на территории противника. Отряд ведёт боевые действия с армией Вермахта. Дополнительно выяснено. Командир отряда Борис Иванович Крылов. Служил в погранвойсках НКВД СССР 86-й отряд, 3-я застава, в должности командира заставы на момент 22.06.41. Звание лейтенант. В отряде есть бойцы из погранвойск НКВД СССР, из того же отряда. Есть данные, что участники отряда ведут боевые действия от границы СССР. В связи с этим можно предположить, что отряд создан бывшими служащими погранвойск НКВД СССР. Местонахождение отряда в данный момент неизвестно. Мною получен пакет с описанием действий отряда «Вымпел». Пакет передаю вместе с протоколами допросов.

Следователь Особого отдела 193-ей дивизии лейтенант госбезопасности И.И. Чемезов.

Упаковав документы в пакет, следователь отправил его по команде. К вечеру в Москву улетел самолёт с документами, взятыми на гаубичной батарее Вермахта и с документами от следователя Особого отдела. Группу разведчиков под командованием Е.И. Бронина представили к наградам. Об этом позаботился командир дивизии. Которому было необходимо показывать положительные результаты.

Конец июля, первая половина августа 1941 год. Отряд «Вымпел».

За месяц бойцы отряда хорошо прогрессировали, но всё же они не дотягивали до уровня «спецов», к которым я привык в прошлой жизни. Тем не менее попробовать захватить Гимmlера или хотя бы грохнуть его, был шанс и шанс редкий. Тем более немцы сейчас не пуганные, а значит менее осторожные. Этим стоило воспользоваться. Мы двигались на север. Проехав село Лельчицы, в лесном массиве, километров тридцать на север, сделали тайник. Оставили там всё лишнее оружие и вещи, которые нас обременяли. Я разрешил бойцам взять смену нижнего белья и костюмы «леший». Постепенно напрягая память, я вспомнил, что Гимmlер прилетит в Барановичи. Это примерно сто пятьдесят километров до Минска. Ещё я вспомнил, что с Генрихом Гимmlером прилетит его сподвижник Карл Вольф. Этого фрукта я не знал не только в лицо, даже фото не видел. Ещё один момент, встречать Гимmlера будет Эрих фон дем Бах, он, кажется, был назначен верховным фюрером СС в Центральной России и Беларуси. Если я даже просто грохну эту весёлую компанию, будет очень серьёзная пощёчина Рейху. И мне надо обязательно придумать, как это провернуть. А чтобы придумать нужна информация. А времени у меня не больше полумесяца. Моих бойцов заинтересовало, куда мы так резко рванули. На одном из привалов я собрал всех и обозначил нашу цель.

– Мы должны понимать на что идём. Генрих Гимmlер ближайший сподвижник Гитлера. Именно он занимается действиями СС, в том числе лагерями и уничтожением всего гражданского населения. Бой не будет простым. Кто-то из нас может сложить голову. Но упустить такую возможность мы не можем, – начал я накачивать идеологически людей.

– Командир, разреши вопрос? – спросил наш штатный скептик Лыков.

– Откуда такая информация, точнее разведданные? – спросил он, когда я разрешил.

– Связист на батарее рассказал. Им приказано взять Коростень к этой дате, – чуть украсил я своё знание.

Меня порадовало то, что все бойцы без исключения были полны решимости. В дороге я задумывался над своим предназначением. Зачем меня пихнули в это время? Может именно

эта цель и была? В таком случае надо обязательно всё продумать. Нужен был хороший отвлекающий момент. Партизаны? А где мне их искать? А вот пленные это самое оно. Сколько будет охраны у этого рейхсфюрера? Думаю, не меньше роты. Плюс техника, как минимум лёгкая броня. Я вспомнил как лихо расстреливали батарею немцев из зениток. А ведь это идея. Сделать засаду, как делали в Афгане моджахеды или боевики на Кавказе. Классика жанра, как говорится. Мелькнула мысль захватить Гимmlера и переправить командование СССР. Тогда я точно ставлю жизнь своих бойцов на весы. А за это время я начал привыкать к ребятам и Дарье. Я без сомнения их готов назвать «золотым фондом» армии. Обучаются быстро, многие уже хорошо говорят на немецком языке. Всё-таки ежедневная практика разговоров, даёт о себе знать. Стрелковая подготовка уже на уровне «хорошо», неплохо осваивают рукопашный бой. И это за месяц. А что будет через год, сумею я их сохранить? Я отмёл мысль о захвате рейхсфюрера, как утопию. А вот зафиксировать это дело очень даже полезно. Для этого мне нужен фотоаппарат. А то припишет кто-нибудь себе эту акцию. О приписках на фронте я читал в той, прошлой жизни.

Наша колонна состояла из двух грузовиков, бронетранспортёра, легковой машина и мотоцикла. Из серьёзного вооружения есть крупнокалиберный пулемёт «MG 131», этого мало. Вот взрывчатки много. Тем не менее мне нужен склад. Гимmlера нужно брать на этапе Барановичи – Минск. А для этого требуется точно знать маршрут и подготовиться. Изменение в наш маршрут внесла случайная встреча. Передвигались мы в маскарде снабженцев Рейха, была одежда и были документы, подделка слабая, но на первый взгляд проходит. Остановились в посёлке Житковичи, там я познакомился с интендантом Генрихом Рашке. Разговорчивый такой, он меня информировал, что в Слуцке есть приличный склад вооружения. А ещё там уже работает пекарня и прочие тыловые производства. Я осторожно задел тему приезда Гимmlера.

– Кто-кто, а Фриц Шульц точно знает, когда и где это произойдёт. Он будет заниматься тыловым обеспечением. Поставлять продукты к столу Эриха фон дем Баха. Я могу порекомендовать вас, Ганс. Кстати, он очень любит подарки из трофеев. Если вы ему подарите оружие комиссаров или ещё что-то такое, он сразу будет более доброжелателен. Но рейхсмарки он любит больше, – и Генрих засмеялся.

Валюта у нас есть, так что применим принцип «осла, нагруженного золотом», как говорили древние. В Слуцк мы двинулись по дороге на Любань. Там место нам было уже знакомо. Проехав посёлок Сосны, встретились с небольшой колонной немцев. Колонна состояла из бронетранспортёра, грузовика с охраной, легковой автомобиль и два мотоцикла. И ехал с такой свитой майор Ганс Вебер, он вёз денежное довольствие в 43-й армейский корпус 2-й группы армий «Центр», что сейчас занимались взятием Гомеля. Это же просто подарок какой-то. Я остановился узнать, что у них случилось.

– Я смотрю вы, гауптманнб двигаетесь с охраной, – не очень дружелюбно начал разговор майор, когда я поприветствовал его.

– Чёртовы партизаны. Приходится хорошо вооружаться. Сейчас еду в Слуцк получать вооружение и боеприпасы. Потом снова к Гомелю, – ответил небрежно я.

– Как там дорога? Не будет у меня проблем? А то я везу денежное довольствие, а дали всего два взвода охраны, – посетовал майор.

Он был явно не вояка, а чисто тыловой офицер. Всё время потел и вытирал лысину носовым платком. Здесь они встали из-за прокола колёс у двух машин. Кто-то раскидал гвозди на дороге.

– Сейчас ежайте до Житковичей, а там по большому тракту на восток. Та дорога хорошо контролируется солдатами Вермахта, – посоветовал я и направился к своим.

Мои ребята были готовы к бою, а немцы, наоборот, расслабились. Мы расстреляли их почти в упор. Четыре пулемёта и крупнокалиберный один являются хорошим аргументом. Добили всех, потом полчаса прятали технику в лесу. Неплохой приз в виде железного ящика

с деньгами, позже я насчитал девяносто тысяч рейхсмарок. Плюс документы и бумаги майора, приятным бонусом оказался фотоаппарат «Лейка» с комплектом плёнок. Видимо немец любил фотографироваться на фоне завоёванной России. Я, конечно, на него не похож, но думаю разберусь с фотографированием и будет порядок. Собрали трофеи, в том числе и личные вещи солдат. Я, кстати, заметил, что моим бойцам такая постанова нравится. Только Дарья по-прежнему непримирима, но уже не ворчит, а только независимо задирает нос. Таким образом выказывая своё «неодобрямс». Машины сжигать не стали, чтобы не привлекать внимание дымом. Закидали ветками. А вот БТР7 был такой же модели и комплектации, как и наш, с крупнокалиберным пулемётом. Естественно, мы его забрали. В моём отряде уже почти все умели управлять транспортом, даже Дарья пробовала и у неё получалось. Мы двинулись дальше и 30 июля въехали в Слуцк. Точнее въехал я на легковом автомобиле. Прихватив с собой, небольшой грузовик, который у нас был. Основная часть отряда осталась в посёлке Серяги. Со мной были Бубнова, Титов, Аверин, Бобыкин, Дроздов и Силаев. Они лучше всех владели немецким языком. Быков тоже освоил язык неплохо, но его я оставил старшим в отряде в моё отсутствие. Дарью одели в форму унтерштурмфюрера8 СС, а играть она будет Хельгу Беккер. Я Даше объяснил, что её роль стервозной дамочки, которая служила у Марты Хоффманн.

На склад мы прибыли после обеда. Я быстро нашёл кабинет интендантуррата Шульца. Но на месте его не оказалось, мне сказали, что он уехал в город по служебным делам. Найти его можно вечером в офицерском клубе, по всей видимости Шульц отдыхает там каждый вечер. На мой вопрос как его узнать, мне подсказали, что он по армейским меркам майор и описали его внешность. Мне пришлось вернуться в город Слуцк. Остановившись на окраине в частном доме, гостиницы были все заняты, приступили к репетиции с Дашей. Надо было познакомиться с Фрицем Шульцем, причём сделать это ненавязчиво.

Июль 1941 год. Выписка из боевого журнала отряда «Вымпел».

14.07.1941г.

Уничтожен мост через реку Птичь на участке Синча-Теребуты. Мост активно использовался тыловыми частями Вермахта. Уничтожение моста приведёт к задержке снабжения передовых частей (потери противника в живой силе 65, в том числе офицеры 2, унтер-офицеры 8). В отряде потерь нет.

16.06.1941г.

Снайпера отряда А.А. Волков и Д.П. Бубнова получили приказ выходить в рейд для уничтожения живой силы противника на дорогах с активным движением тыловых частей Вермахта. С 16.06.41. по 18.07.41. А.А. Волковым уничтожено – офицеров 12, солдат и унтер-офицеров 28. Д.П. Бубновой уничтожено – офицеров 9, солдат и унтер-офицеров 18. Все уничтоженные цели подтверждены.

16.07.1941г.

Совершено нападение на штаб 10-й моторизованной дивизии Вермахта, расположенном в городе Бобруйск. Взят в плен Командующий 10-й моторизованной дивизии генерал-лейтенант Конрад фон Кохенхаузен и два офицера связи дивизии, документы и карты. Здание штаба уничтожено методом подрыва. (Потери живой силы противника предположительно солдат и офицеров 30).

16.07.1941г.

Из плена освобождены лётчики старший лейтенант И.П. Седых и лейтенант С.К. Горелов. В пригороде Бобруйска совершено нападение на небольшой аэродром, используемый частями Вермахта, с целью захвата самолёта. Захвачен разведывательный легкомоторный самолёт. Пленные отправлены Командованию Красной Армии, данную задачу выполняли лётчики Седых и Горелов. Аэродром уничтожен. (Потери в живой силе противника 49, в том числе офицеров и унтер-офицеров 36, солдат 13).

19.07.1941г.

В районе Коростенского оборонительного узла, деревня Остапы, обнаружены две гаубичные батареи тяжёлой артиллерии Вермахта. В этом же районе встретились с группой полковой разведки 193-й стрелковой дивизии, под командованием старшего лейтенанта Е.И. Бронина. Силами отряда «Вымпел» (16 человек) и полковой разведки (6 человек) ликвидированы две гаубичные батареи. Уничтожено гаубичных пушек калибр 150 мм – 8 штук, зенитные пушки калибр 20 мм – 2 штуки, различной техники – 16 единиц. (потери противника в живой силе 302, в том числе офицеры 24, унтер-офицеры 68). Взят в плен офицер артиллерист, отправлен с группой старшего лейтенанта Бронина.

21.07.1941г.

Получены разведданные о прибытии в Минск, ориентировочно в середине августа 1941 года, рейхсфюрера Генриха Гиммлера. Принято решение об уничтожении Г. Гиммлера. Отряд выдвинулся в район Минска.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.